

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

**Вступившее в законную силу решение суда
о взыскании стоимости доли в праве
собственности на недвижимое имущество
подлежит принудительному исполнению
в порядке, предусмотренном законодательством
об исполнительном производстве,
и не может быть изменено в результате
предъявления в суд нового иска о признании
права собственности на иное недвижимое
имущество, принадлежащее должнику**

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 20 августа 2024 г. № 18-КГ24-128-К4*

(Извлечение)

Финансовый управляющий имуществом должника О. — Б. обратился в суд с иском к П. о признании права собственности должника (банкрота) О. на 1/2 доли в праве общей долевой собственности на квартиру в г. Сочи, полагая, что ее стоимость оплачена ответчиком в том числе денежными средствами О.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением, за О. признано право собственности на 1/2 доли в праве общей долевой собственности на спорную квартиру.

Как установлено судом, с 9 февраля 2005 г. О. и П. состояли в браке.

6 декабря 2005 г. О. купил квартиру в г. Санкт-Петербурге.

4 сентября 2014 г. между О. и П. заключен договор о разделе имущества, удостоверенный нотариусом, по условиям которого квартира в г. Санкт-Петербурге переходит в собствен-

ность П. Право собственности П. на названную квартиру зарегистрировано в ЕГРН 15 сентября 2014 г.

Решением мирового судьи от 18 декабря 2014 г. брак между О. и П. расторгнут.

21 ноября 2019 г. между П. (продавец) и В. (покупатель) заключен договор купли-продажи объекта недвижимости с использованием кредитных средств, по условиям которого П. продала квартиру в г. Санкт-Петербурге за 6 700 000 руб.

На основании договора купли-продажи от 24 июля 2020 г. П. купила квартиру в г. Сочи и 1/21 доли в праве общей долевой собственности на земельный участок за 851 000 руб.

Решением арбитражного суда от 29 мая 2020 г. в отношении О. введена процедура банкротства, финансовым управляющим в деле о банкротстве О. назначен Б.

Определением арбитражного суда от 1 февраля 2022 г., оставленным без изменения постановлением арбитражных апелляционного и кассационного судов, договор от 4 сентября 2014 г. о разделе имущества — права собственности на квартиру в г. Санкт-Петербурге — между супругами О. и П. признан недействительным (ничтожным); применены последствия недействительности сделки, с П. в конкурсную массу О. взыскано 3 175 046 руб. в качестве возмещения стоимости его доли в праве собственности на квартиру в г. Санкт-Петербурге.

Судебные акты П. не исполнила.

14 сентября 2022 г. П. обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании ее несостоятельной (банкротом), указала о наличии у нее денежных обязательств в сумме 3 175 046 руб. перед О., а также о задолженности по кредитной карте.

Разрешая спор и удовлетворяя иск финансового управляющего, суды первой и апелляционной инстанций признали право собственности О. на 1/2 доли в праве общей долевой собственности на квартиру в г. Сочи, сославшись на то, что при признании договора о разделе квартиры в г. Санкт-Петербурге недействительным (ничтожным) арбитражными судами в принятых ими судебных решениях установлена недобросовестность П. ввиду вывода ею имущества в свою пользу и во вред кредиторов должника О. Суды также констатировали, что П. приобрела квартиру в г. Сочи за счет общих денежных средств от реализации супружеского имущества, не исполнив при этом обязанность по перечислению денежных средств в конкурсную массу О. Данные действия совершены П. исключительно с целью уклонения от уплаты долга О.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 20 августа 2024 г. пришла к выводу о том, что при рассмотрении дела судами были допущены существенные нарушения норм права, являющиеся основанием для отмены обжалуемых судебных постановлений в кассационном порядке (ст. 390¹⁴ ГПК РФ).

Основания приобретения права собственности закреплены в ст. 218 ГК РФ и являются общими для любого объекта, в том числе для доли в праве на недвижимое имущество.

В силу п. 2 указанной статьи право собственности на имущество, которое имеет собственник, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества.

Имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью (п. 1 ст. 34 СК РФ).

В соответствии со ст. 256 ГК РФ по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество, находящееся в его собственности, а также на его долю в общем имуществе супругов, которая причиталась бы ему при разделе этого имущества (п. 3). Правила определения долей супругов в общем имуществе при его разделе и порядок такого раздела устанавливаются семейным законодательством (п. 4).

В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака” разъяснено, что общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу (пп. 1 и 2 ст. 34 СК РФ), является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст.ст. 128, 129, пп. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супру-

гов оно было приобретено или внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Раздел общего имущества супругов производится по правилам, установленным ст.ст. 38, 39 СК РФ и ст. 254 ГК РФ. Стоимость имущества, подлежащего разделу, определяется на время рассмотрения дела.

Согласно ч. 2 ст. 13 ГПК РФ вступившие в законную силу судебные постановления, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и обращения судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Аналогичные положения содержатся в ст. 16 АПК РФ.

Условия и порядок принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, которым при осуществлении установленных федеральным законом полномочий предоставлено право возлагать на иностранные государства, физических лиц (далее также — граждане), юридических лиц, Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования (далее также — организации) обязанности по передаче другим гражданам, организациям или в соответствующие бюджеты денежных средств и иного имущества либо совершению в их пользу определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий, определенные Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” (ч. 1 ст. 1 данного Федерального закона).

В соответствии со ст. 105 Федерального закона “Об исполнительном производстве” в случаях неисполнения должником требований, содержащихся в исполнительном документе, в срок, установленный для добровольного исполнения, а также неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и устанавливает должнику новый срок для исполнения (ч. 1). При неисполнении должником требований, содержащихся в исполнительном документе, без уважительных причин во вновь установленный срок должностным лицом службы судебных приставов составляется в отношении должника протокол об административном правонарушении в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и устанавливается новый срок для исполнения. Если для исполнения указанных требований участие должника обязательно, то судебный пристав-исполни-

тель организует исполнение в соответствии с правами, предоставленными ему данным Федеральным законом (ч. 2).

Таким образом, законом предусмотрен порядок принудительного исполнения вступивших в законную силу судебных постановлений, а также установлены санкции в случаях неисполнения должником требований, содержащихся в исполнительном документе.

Как видно из материалов дела, вступившим в законную силу определением арбитражного суда от 1 февраля 2022 г. в результате признания недействительным (ничтожным) договора от 4 сентября 2014 г. о разделе имущества (квартиры в г. Санкт-Петербурге) между супругами О. и П. квартира признана совместно нажитым в период брака имуществом. Установив, что квартира была П. незаконно отчуждена, суд взыскал с нее в пользу О. стоимость его доли в имуществе — 3 175 046 руб. Решение суда до настоящего времени не исполнено.

Брак между П. и О. расторгнут на основании решения мирового судьи от 18 декабря 2014 г., в то время как квартира в г. Сочи была приобретена П. в индивидуальную собственность на основании договора купли-продажи от 4 июля 2020 г. (спустя пять лет после расторжения брака), вследствие чего оснований для применения положений Семейного кодекса РФ и признания за О. права на 1/2 доли в праве собственности на квартиру в г. Сочи не имелось.

Указание судов на приобретение П. квартиры в г. Сочи с использованием денежных средств от продажи квартиры в г. Санкт-Петербурге, находившейся в совместной собственности бывших супругов, также не является основанием для признания за О. права общей долевой собственности на данный объект недвижимости в силу положений ст. 218 ГК РФ. Помимо прочего, доля О. в квартире в г. Санкт-Петербурге в денежном выражении уже взыскана с П. вступившим в силу судебным актом. Сведений о наличии соглашения между О. и П. о замене первоначального обязательства по возврату денежных средств О. обязательством передать ему долю в праве собственности на квартиру в г. Сочи (об отступном, о новации) материалы дела не содержат. Требования об обращении взыскания на спорное имущество в порядке исполнения судебного акта истцом не заявлялось.

Таким образом, выводы суда о наличии оснований для признания за О. права общей долевой собственности на спорное имущество П. признаны неправильными.

Кассационный суд общей юрисдикции допущенные нарушения норм права не выявил и не устранил.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судами первой, апелляционной и кассационной инстанций судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Спор о понуждении собственника помещения в здании к вступлению в договор аренды земельного участка, на котором расположено это здание, является спором о правах на недвижимое имущество и подлежит рассмотрению по правилам исключительной подсудности по месту его нахождения

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 22 октября 2024 г. № 305-ЭС24-9309*

(Извлечение)

Собственник земельного участка обратился в арбитражный суд с иском о понуждении к заключению соглашения о вступлении в договор аренды земельного участка к кооперативу (собственнику помещения в здании, расположенном на данном участке) в соответствии с правилами об исключительной подсудности по месту нахождения недвижимого имущества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, дело передано по подсудности в арбитражный суд по месту нахождения ответчика. Суды исходили из того, что иск носит обязательственный, а не вещный характер, поэтому правила об исключительной подсудности в данном деле не применимы.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 22 октября 2024 г. отменила принятые по делу судебные акты и направила дело в арбитражный суд по месту нахождения недвижимого имущества для рассмотрения по существу по следующим основаниям.

Как указано в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 “О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции”, на основании ч. 1 ст. 38 АПК РФ иски о правах на недвижимое имущество предъявляются в арбитражный суд по месту нахождения этого имущества (исключительная подсудность). К искам о правах на недвижимое имущество относятся, в частности, иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, об установлении сервитута, о разделе имущества, находящегося в общей собственности, о признании права, об установлении границ земельного участка, об освобождении имущества от ареста, о признании права на недвижимое имущество отсутствующим. По месту нахождения недвижимого имущества также рассматриваются дела, в которых удовлетворение заявленного требования и его принудительное исполнение повлекут необходимость государственной регистрации возникновения, ограничения (обременения), перехода, прекращения прав на недвижимое имущество или внесения записи в ЕГРН в отношении сделок, подлежащих государственной регистрации.

При этом требование собственника земельного участка направлено на возложение на кооператив обязанности заключить соглашение о вступлении в договор аренды земельного участка, зарегистрированного в установленном законом порядке в ЕГРН в соответствии с требованиями ст. 26 ЗК РФ, и на основании соглашения к которому возникнет право аренды кооператива, обременяющее право истца-арендодателя на недвижимое имущество.

Соглашение к договору аренды также подлежит государственной регистрации в соответствии с п. 1 ст. 452 ГК РФ.

Таким образом, окончательной целью заявленного в рамках данного дела иска является не только понуждение собственника земельного участка кооператива к заключению соглашения к договору аренды, но и государственная регистрация возникновения у ответчика права аренды и соответствующего обременения прав истца на земельный участок, осуществление которых будет произведено в регистрирующем органе по месту нахождения объекта недвижимости. Поэтому требование собственника земельного участка относится к спорам о правах на недвижимое имущество, которые подлежат рассмотрению по месту нахождения этого имущества.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Письмо ФАС России от 10 июля 2024 г. № МШ/60841/24 “По вопросу применения статьи 29 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Взамен письма ФАС России от 28.03.2018 № ИА/21098/18” признано не действующим со дня принятия

Решение Верховного Суда РФ от 16 января 2025 г. № АКПИ24-965, вступившее в законную силу

(Извлечение)

10 июля 2024 г. ФАС России издано письмо № МШ/60841/24 “По вопросу применения статьи 29 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Взамен письма ФАС России от 28.03.2018 № ИА/21098/18” (далее — Письмо).

Разъясняя отдельные положения Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее — Закон о контрактной системе), Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации” (далее — Закон о социальной защите инвалидов), Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ “Об общественных объединениях” (далее — Закон об общественных объединениях), ФАС России в Письме, в частности, указала, что региональные (местные) общественные объединения, созданные в качестве структурных подразделений общероссийского общественного объединения, осуществляют свою деятельность в пределах территории одного

субъекта Российской Федерации (в пределах территории органа местного самоуправления) и общероссийским статусом в силу положений ст. 14 Закона об общественных объединениях не обладают (абз. 11). Учитывая различное содержание понятий общероссийского и регионального общественного объединения (в том числе общественной организации), преимущества, установленные ст. 29 Закона о контрактной системе, предоставляются исключительно общероссийским общественным организациям инвалидов и не распространяются на иные общественные организации инвалидов, в том числе региональные (абз. 12). Таким образом, преимущества, предоставляемые в соответствии со ст. 29 и ч. 3 ст. 44 Закона о контрактной системе, в отношении иных организаций не предоставляются (абз. 13).

Челябинское региональное отделение Общероссийской общественной организации инвалидов “Всероссийское общество глухих” обратилось в Верховный Суд РФ с административным иском о признании Письма не действующим в части определения региональных (местных) общественных объединений, ссылаясь на то, что данное определение в Письме не соответствует положениям ст. 14 Закона об общественных объединениях, нарушает право административного истца на предоставление преференций, предусмотренных ст. 29 Закона о контрактной системе для общероссийских общественных организаций.

Верховный Суд РФ 16 января 2025 г. административный иск удовлетворил, указав следующее.

Письмо подготовлено ФАС России в рамках предоставленных ей Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” полномочий (пп. 5 и 9 ч. 2 ст. 23) и в соответствии с п. 5.4 Положения о Федеральной антимонопольной службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331, п. 9.1 Регламента Федеральной антимонопольной службы, утвержденного приказом ФАС России от 9 апреля 2007 г. № 105.

Указанные разъяснения ФАС России направлены своим территориальным органам и участникам контрактной системы в сфере закупок, а также размещены на официальном сайте указанной службы в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

С учетом целевого характера Письма и в силу принципа ведомственной субординации данные в нем разъяснения носят обязательный характер для территориальных органов ФАС России и, следовательно, не могут не учитываться участниками контрактной системы в сфере закупок.

Письмо содержит разъяснения по вопросу предоставления преимуществ общероссийским организациям инвалидов в соответствии со ст. 29 Закона о контрактной системе. Данное разъяснение ФАС России основано на ошибочном толковании приведенных в Письме норм Закона об общественных объединениях и Закона о контрактной системе, содержание которого не предусматривает, что региональные (местные) общественные объединения, созданные в качестве струк-

турных подразделений общероссийского общественного объединения, не обладают общероссийским статусом и положения ст. 29 Закона о контрактной системе на них не распространяются.

Статья 30 Конституции Российской Федерации предусматривает, что каждый имеет право на объединение; свобода деятельности общественных объединений гарантируется; никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем.

Названные конституционные положения конкретизированы в Законе об общественных объединениях и Законе о социальной защите инвалидов.

В соответствии со ст. 33 Закона о социальной защите инвалидов общественные объединения, созданные и действующие в целях защиты прав и законных интересов инвалидов, обеспечения им равных с другими гражданами возможностей, есть форма социальной защиты инвалидов. Государство оказывает указанным общественным объединениям содействие и помощь, в том числе материальную, техническую и финансовую (ч. 1).

Общественными организациями инвалидов признаются организации, созданные инвалидами и лицами, представляющими их интересы, в целях защиты прав и законных интересов инвалидов, обеспечения им равных с другими гражданами возможностей, решения задач общественной интеграции инвалидов, среди членов которых инвалиды и их законные представители (один из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей) составляют не менее 80%, а также союзы (ассоциации) указанных организаций (ч. 2).

Общественным объединениям инвалидов и организациям, которые созданы общероссийскими общественными объединениями инвалидов, и уставный капитал которых полностью состоит из вкладов общественных организаций инвалидов, и среднесписочная численность инвалидов в которых по отношению к другим работникам составляет не менее чем 50%, а доля оплаты труда инвалидов в фонде оплаты труда — не менее чем 25%, органы государственной власти и органы местного самоуправления могут оказывать поддержку также путем предоставления в безвозмездное пользование имущества (включая здания, нежилые помещения), используемого данными объединениями и организациями на законных основаниях в течение не менее чем 5 лет на момент предоставления такого имущества (ч. 5).

На общества с ограниченной ответственностью, участниками которых являются только общероссийские общественные объединения инвалидов и (или) их отделения (территориальные подразделения), распространяется действие Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» при соответствии таких обществ с ограниченной ответственностью требованиям, установленным указанным Федеральным законом, и при условии, что сведения о таких обществах с ограниченной ответственностью внесены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства (ч. 7).

Статьей 7 Закона об общественных объединениях установлены организационно-правовые формы, в которых могут создаваться общественные объединения, в том числе в форме общественной организации.

Частью 1 ст. 8 Закона об общественных объединениях закреплено, что общественной организацией является основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан.

В силу ч. 1 ст. 14 Закона об общественных объединениях, определяющей территориальную сферу деятельности российских общественных объединений, в Российской Федерации создаются и действуют общероссийские, межрегиональные, региональные и местные общественные объединения.

Согласно ст. 5¹ Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» общественные организации и ассоциации (союзы) могут иметь территориальные подразделения, являющиеся юридическими лицами, выполняющие функции общественных организаций и ассоциаций (союзов) на соответствующей территории и не являющиеся их филиалами или представительствами, если иное не установлено федеральными законами. Территориальные подразделения не являются участниками таких общественных организаций и ассоциаций (союзов) (п. 1).

Территориальные подразделения общественных организаций и ассоциаций (союзов), не являющиеся их филиалами или представительствами, создаются соответственно в организационно-правовой форме общественных организаций и ассоциаций (союзов). Деятельность территориальных подразделений общественных организаций и ассоциаций (союзов), не являющихся их филиалами или представительствами, регулируется уставами указанных территориальных подразделений в соответствии с положениями о территориальных подразделениях, принятыми общественной организацией и ассоциацией (союзом) (п. 2 вышеуказанной статьи).

При этом в соответствии с ч. 1 ст. 20 Закона об общественных объединениях устав общественного объединения должен предусматривать структуру общественного объединения, сведения о территории, в пределах которой общественное объединение осуществляет свою деятельность, и месте его нахождения (п. 2); состав, порядок формирования, компетенцию и срок полномочий органов общественного объединения и его структурных подразделений (организаций, отделений), порядок принятия ими решений, в том числе по вопросам, решения по которым принимаются единогласно или квалифицированным большинством голосов (п. 4).

Данное регулирование направлено с учетом правовой природы и предназначения общественных объединений на их структурирование по территориальной сфере деятельности.

Общественные объединения свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов своей деятельности (ст. 15 Закона об общественных объединениях).

С учетом изложенного структура общероссийского общественного объединения является многоуровневой и образуется в соответствии с административно-территориальным устройством Российской Федерации и территориально-организационными основами местного самоуправления Российской Федерации. При этом в пределах территории одного субъекта Российской Федерации может быть создана только одна региональная организация (отделение), которая и является частью многоуровневой структуры общероссийского общественного объединения.

Поскольку для признания общественной организации в качестве общероссийской необходимо осуществление ее деятельности на территориях более чем половины субъектов Российской Федерации, именно областные и приравненные к ним региональные организации (отделения), находящиеся в ее структуре, определяют ее общероссийский статус. Отнесение регионального отделения к структурному подразделению общероссийской организации исключает возможность отнесения указанной организации к категории региональных общественных организаций, под которыми понимаются объединения, действующие в соответствии с уставными целями исключительно в пределах одного субъекта Российской Федерации.

Правосубъектность юридических лиц может быть как универсальной (общей), дающей им возможность участвовать в любых гражданских правоотношениях, так и специальной (целевой), предполагающей их участие лишь в определенном, ограниченном круге таких правоотношений. Для приобретения специального права в форме преимущества, предусмотренного ч. 2 ст. 29 Закона о контрактной системе, участник закупки должен обладать специальной правосубъектностью.

По смыслу ст. 14 Закона об общественных объединениях такая специальная правосубъектность приобретается в том случае, когда общественная организация непосредственно осуществляет свою деятельность в соответствии с уставными целями на территориях более половины субъектов Российской Федерации через свою структуру, в том числе через свои региональные организации (отделения).

Согласно ст. 29 Закона о контрактной системе в случае заключения по результатам применения конкурентных способов контракта с участником закупки, являющимся организацией инвалидов, предоставляются определенные преференции (ч. 1).

Действие данной статьи распространяется на общероссийские общественные организации инвалидов (в том числе созданные как союзы общественных организаций инвалидов), среди членов которых инвалиды и их законные представители составляют не менее чем 80%, и на организации, уставный (складочный) капитал которых полностью состоит из вкладов общероссийских обще-

ственных организаций инвалидов и среднесписочная численность инвалидов в которых по отношению к другим работникам составляет не менее чем 50%, а доля оплаты труда инвалидов в фонде оплаты труда — не менее чем 25% (ч. 2).

Исходя из системного применения вышеуказанных законоположений региональное общественное объединение, которое является структурным подразделением общероссийской общественной организации инвалидов, имеет право на получение преференций в соответствии со ст. 29 Закона о контрактной системе.

Доводы представителей ФАС России о неполноте правового регулирования ст. 29 Закона о контрактной системе и необходимости внесения соответствующих изменений лишены правовых оснований, при этом положения ст. 14 Закона об общественных объединениях и ст. 29 Закона о контрактной системе не свидетельствуют об ошибочном их применении на практике.

Такое правоприменение соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 23 декабря 1999 г. № 18-П.

Таким образом, анализ абз. 11—13 Письма позволяет сделать вывод, что сформулированные в нем разъяснения выходят за рамки адекватного истолкования (интерпретации) положений ст. 14 Закона об общественных объединениях, ст. 29 Закона о контрактной системе, влекут изменение правового регулирования и устанавливают не предусмотренные указанными законоположениями общеобязательные правила, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на неоднократное применение как ФАС России, так и ее территориальными органами и участниками контрактной системы в сфере закупок, в адрес которых направлено Письмо.

Изложенное в оспариваемом Письме толкование названных выше норм Закона об общественных объединениях и Закона о контрактной системе применяется в качестве нормативного обоснования правоприменительного решения.

Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, установлен запрет, согласно которому издание нормативных правовых актов в виде писем, распоряжений и телеграмм не допускается.

Из этого следует, что никакие письма федеральных органов исполнительной власти не могут быть основанием для регулирования правоотношений.

Письмо издано органом государственной власти, было направлено для использования в работе в подведомственные органы и размещено на сайте ФАС России, применялось государственными органами в отношении административного истца и других лиц, что свидетельствует о наличии у него нормативных свойств.

Поскольку Письмо регулирует отношения, связанные с предоставлением преференций в силу ст. 29 Закона о контрактной системе, и соз-

дает не предусмотренные разъясняемыми нормативными положениями общеобязательные правила, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на неоднократное применение, оно признано не действующим со дня его принятия.

2. Оспариваемые частично тарифы на услуги по транспортировке газа по газораспределительным сетям ООО “ЗеФС-Газораспределение” на территории Нижегородской области, утвержденные приказом ФАС России от 13 июня 2024 г. № 392/24, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 декабря 2024 г. № АКПИ24-844, вступившее в законную силу

3. Подпункт “б” подп. 6 п. 14 Порядка переоформления лицензий на пользование недрами, утвержденного приказом Минприроды России, Роснедра от 14 октября 2021 г. № 751/10, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2024 г. № АКПИ24-953, вступившее в законную силу

4. Пункты 5, 29 Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров работников, предусмотренных частью четвертой статьи 213 Трудового кодекса Российской Федерации, утвержденного приказом Минздрава России от 28 января 2021 г. № 29н, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2024 г. № АКПИ24-850, вступившее в законную силу

5. Оспариваемый частично подп. “а” п. 8 Правил определения нормативов накопления твердых коммунальных отходов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 26 августа 2023 г. № 1390, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 12 ноября 2024 г. № АКПИ24-766, вступившее в законную силу

6. Оспариваемый частично подп. 7 п. 15 Правил проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2006 г. № 75, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № АКПИ24-841, вступившее в законную силу

7. Подпункт 3 п. 5 Оснований, условий и способов проведения указанных в пункте 4² статьи 9 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” мероприятий, порядка использования результатов этих мероприятий, утвержденных приказом ФНС России от 28 декабря 2022 г. № ЕД-7-14/1268@, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 13 января 2025 г. № АКПИ24-870, вступившее в законную силу

8. Абзац 1 п. 12 Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 11 октября 2023 г. № 1678, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 10 января 2025 г. № АКПИ24-884, вступившее в законную силу

9. Оспариваемая частично таблица приложения 4 к Методике исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, утвержденной приказом Минприроды России от 13 апреля 2009 г. № 87, признана не противоречащей федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 10 января 2025 г. № АКПИ24-984, вступившее в законную силу

10. Подпункт “а” п. 1 постановления Правительства РФ от 9 апреля 2022 г. № 629 “Об особенностях регулирования земельных отношений в Российской Федерации в 2022—2024 годах, а также о случаях установления льготной арендной платы по договорам аренды земельных участков, находящихся в федеральной собственности, и размере такой платы” (в ред. постановления Правительства РФ от 30 декабря 2022 г. № 2536) признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 января 2025 г. № АКПИ24-860, вступившее в законную силу

11. Пункты 7 и 8 Положения о независимой военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 июля 2008 г. № 574, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 января 2025 г. № АКПИ24-947, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 апреля 2025 г. № АПЛ25-73

12. Пункты 4, 5¹ Порядка расчета суммы денежных средств на счете, на которую может быть обращено взыскание или наложен арест, с учетом требований, предусмотренных статьями 99 и 101 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”, утвержденного приказом Минюста России от 27 декабря 2019 г. № 330, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 19 декабря 2024 г. № АКПИ24-804, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 4 марта 2025 г. № АПЛ25-35

13. Оспариваемые частично абз. 1 п. 8.1, абз. 1 п. 8.8, абз. 2 п. 10.1 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 26 ноября 2024 г. № АКПИ24-816, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 13 марта 2025 г. № АПЛ25-46

14. Оспариваемый частично приказ Минприроды России от 18 мая 2012 г. № 137 “Об установлении максимальной площади охотничьих угодий, в отношении которых могут быть заключены охотхозяйственные соглашения одним лицом или группой лиц, за исключением случаев, предусмотренных частью 31 статьи 28 Федерального закона “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 10 декабря 2024 г. № АКПИ24-842, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 февраля 2025 г. № АПЛ25-21

15. Абзац 4 п. 5.1.3 свода правил СП 4.13130 “Системы противопожарной защиты. Ограничение распространения пожара на объектах защиты. Требования к объемно-планировочным и конструктивным решениям”, утвержденного приказом МЧС России от 24 апреля 2013 г. № 288, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 13 января 2025 г. № АКПИ24-993, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 марта 2025 г. № АПЛ25-54

16. Письмо Минтруда России от 5 мая 2023 г. № 28-7/10/П-3518 и приложения к нему признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 ноября 2024 г. № АКПИ24-819, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 февраля 2025 г. № АПЛ25-2

17. Пункты 5 и 6 Порядка ведения реестра решений о взыскании задолженности и размещения в указанном реестре документов, предусмотренных пунктом 3 статьи 46 Налогового кодекса Российской Федерации, утвержденного приказом ФНС России от 30 ноября 2022 г. № ЕД-7-8/1138@, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2024 г. № АКПИ24-757, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 4 марта 2025 г. № АПЛ25-22

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Отрицание водителем, находившимся на месте дорожно-транспортного преступления, своей причастности к нему не может расцениваться как оставление водителем места совершения преступления

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2023 г. № 5-УД23-13-К2

(Извлечение)

По приговору Басманного районного суда г. Москвы от 16 сентября 2021 г. (с учетом изменений, внесенных апелляционным постановлением Московского городского суда от 19 мая 2022 г.) С., несудимый, осужден по п. “б” ч. 2 ст. 264 УК РФ к пяти годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок два года.

Кассационным постановлением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 ноября 2022 г. приговор и апелляционное постановление в отношении С. в части взыскания с него в пользу потерпевшего процессуальных издержек в сумме 140 000 руб., связанных с оплатой услуг представителя, отменены. Уголовное дело в этой части передано на новое судебное рассмотрение в Басманный районный суд г. Москвы иным составом суда в порядке ст.ст. 397, 399 УПК РФ.

В кассационной жалобе адвокат Н. оспаривал законность и обоснованность состоявшихся в отношении осужденного С. судебных решений, указывал, что судом дана неправильная оценка доказательствам, исследованным в судебном заседании, утверждал, что судом необоснованно

вменен осужденному квалифицирующий признак, предусмотренный ст. 264 УК РФ, — оставление места дорожно-транспортного происшествия (далее также — ДТП), обращал внимание на суровость наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 14 марта 2023 г. кассационную жалобу удовлетворила, отметив следующее.

Как установлено судом в приговоре, С., управляя автомобилем “Мицубиси Паджеро”, при проезде по ул. Покровке г. Москвы нарушил Правила дорожного движения РФ (далее — ПДД РФ), предусмотренные пп. 1.3, 1.5, 2.6, 10.1, 14.1, 14.2, 18.2, и на нерегулируемом пешеходном переходе, не уступив дорогу проходившему по пешеходному переходу Г., совершил наезд на него, причинив потерпевшему тяжкий вред здоровью. После этого С. в нарушение п. 2.6 ПДД РФ, используя свое должностное положение и имеющиеся связи в УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве, создал для себя условия, позволившие скрыть факт управления им автомобилем в момент ДТП, и с места совершения преступления скрылся.

Указанные действия осужденного судом квалифицированы по п. “б” ч. 2 ст. 264 УК РФ как нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, сопряженное с оставлением места его совершения.

Суд мотивировал свои выводы тем, что С., сообщив сотрудникам полиции ложные сведения о совершении ДТП иным лицом, не выполнив обязанности, предусмотренные п. 2.6 ПДД РФ, лишил возможности сотрудников полиции выполнить требования о применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренные главой 27 КоАП РФ, и своевременно привлечь к ответственности надлежащее виновное в ДТП лицо.

Согласно положениям п. 2.6 ПДД РФ, если в результате дорожно-транспортного происшествия погибли или ранены люди, водитель, причастный к нему, обязан: принять меры для оказания первой помощи пострадавшим, вызвать скорую медицинскую помощь и полицию; в экстренных случаях отправить пострадавших на попутном, а если это невозможно, доставить на своем транспортном средстве в ближайшую медицинскую организацию, сообщить свою фамилию, регистрационный знак транспортного средства (с предъявлением документа, удостоверяющего личность, или водительского удостоверения и регистрационного документа на транспортное средство) и возвратиться к месту происшествия; освободить проезжую часть, если движение других транспортных средств невозможно, предварительно зафиксировав, в том числе средствами фотосъемки или видеозаписи, положение транспортных средств по отношению друг к другу и объектам дорожной инфраструктуры, следы и предметы, относящиеся к происшествию, и принять все возможные меры к их сохранению и организации объезда места происшествия; записать

фамилии и адреса очевидцев и ожидать прибытия сотрудников полиции.

Таким образом, в случае ДТП водитель, причастный к нему, не вправе оставлять место ДТП, за исключением случаев, связанных с необходимостью доставления пострадавшего на автомобиле в лечебное учреждение.

При этом с учетом изложенного оставление места ДТП заключается в убытии водителя, совершившего ДТП, с указанного места или невозвращение к этому месту после доставления пострадавшего на автомобиле в лечебное учреждение.

Неисполнение же водителем, причастным к ДТП, предусмотренных п. 2.6 ПДД РФ обязанностей само по себе не может рассматриваться как оставление места ДТП, если такой водитель находился на месте ДТП и никуда не убывал.

Однако указанные выше обстоятельства, позволяющие считать, что осужденный С. оставил место ДТП, в приговоре не установлены.

Так, из приведенных в приговоре показаний свидетелей следует, что после совершения ДТП осужденный С. оставался на месте ДТП до прибытия сотрудников ГИБДД и оформления ими необходимых материалов.

Кроме того, расценивая отрицание осужденным своей причастности к ДТП как оставление места происшествия, суд не принял во внимание, что отрицание лицом своей вины является формой реализации его права на защиту, т.е. предусмотренного ст. 51 Конституции Российской Федерации права любого гражданина не свидетельствовать против самого себя.

Таким образом, выводы суда о том, что отрицание осужденным своей причастности к ДТП, а также невыполнение им обязанностей, предусмотренных п. 2.6 ПДД РФ, следует расценивать как оставление места ДТП при фактическом нахождении осужденного на месте ДТП, основаны на неправильном толковании уголовного закона.

При указанных обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор Басманного районного суда г. Москвы от 16 сентября 2021 г., апелляционное постановление Московского городского суда от 19 мая 2022 г. и кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 ноября 2022 г. в отношении С. изменила. Переквалифицировала содеянное С. с п. “б” ч. 2 ст. 264 УК РФ на ч. 1 ст. 264 УК РФ, по которой назначила наказание в виде ограничения свободы на срок два года с установлением осужденному следующих ограничений: не изменять места жительства или пребывания, а также не выезжать за пределы территории г. Москвы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, и с возложением обязанности являться в указанный специализированный государственный орган два раза в месяц для регистрации; от назначенного наказания освободила на основании п. “а” ч. 1 ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24, ч. 8 ст. 302 УПК РФ.

Курсант военного образовательного учреждения, не осведомленный по объективным независящим от него причинам о своем заболевании в период обучения, которое по заключению комиссии экспертов свидетельствовало об ограниченной годности к военной службе, подлежит увольнению с военной службы по состоянию здоровья

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 24 декабря 2024 г. № 226-КАД24-9-К10*

(Извлечение)

Решением Абаканского гарнизонного военного суда от 20 сентября 2023 г., оставленным без изменения апелляционным определением 2-го Восточного окружного военного суда от 16 января 2024 г., удовлетворено административное исковое заявление Щ. в той части, в которой он просил признать незаконным отказ начальника федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования “Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации” (далее — Военный институт) признать незаконным приказ начальника Военного института от 31 мая 2021 г. об отчислении административного истца по нежеланию учиться (по инициативе обучающегося) и обязать начальника Военного института внести изменения в приказ от 31 мая 2021 г., указав основанием отчисления состояние здоровья.

Кассационным определением кассационного военного суда от 4 июня 2024 г. судебные акты в части удовлетворенных требований отменены, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 24 декабря 2024 г. кассационное определение по административному исковому заявлению Щ. отменила, оставила в силе решение Абаканского гарнизонного военного суда от 20 сентября 2023 г. и апелляционное определение 2-го Восточного окружного военного суда от 16 января 2024 г.

Из материалов дела следует, что рядовой Щ. обучался в Военном институте с 1 августа 2019 г. по 31 мая 2021 г. по заключенному 24 августа 2019 г. контракту о прохождении военной службы. 30 апреля 2021 г. ученый совет Военного института рассмотрел и принял положительное решение по рапорту Щ. об отчислении из института в связи с нежеланием учиться. Проведенным 19 мая 2021 г. флюорографическим обследованием в военном госпитале войск национальной гвардии в г. Новосибирске у Щ. выявлен туберкулез правого легкого.

Приказом начальника Военного института от 31 мая 2021 г. № 99 с/ч административный истец отчислен по нежеланию учиться (по инициативе обучающегося), исключен из списков переменного состава и направлен для дальнейшего прохождения военной службы по призыву. Приказом командира войсковой части 3474 от 1 июля 2021 г. № 122 с/ч Щ. уволен с военной службы в запас.

В период с 6 июля 2021 г. по 18 августа 2022 г. административный истец находился на стационарном и амбулаторном лечении в связи с выявленным у него заболеванием, 28 октября 2021 г. ему сделана операция в виде резекции правого легкого, и 18 августа 2022 г. установлено стадия ремиссии указанного заболевания.

Заключением экспертов от 4 августа 2023 г. установлено, что по состоянию на 31 мая 2021 г. (дата издания оспариваемого приказа) административный истец был болен инфильтративным туберкулезом.

В соответствии с п. “б” ст. 2 Расписания болезней (приложение № 1 к Положению о военно-врачебной экспертизе, утвержденному постановлением Правительства РФ от 4 июля 2013 г. № 565) указанное заболевание подпадает под категорию годности к военной службе “В” — ограниченно годен к военной службе.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные требования в части изменения основания отчисления Щ. из Военного института, суд первой инстанции исходил из того, что на момент отчисления из института административный истец был болен инфильтративным туберкулезом, а потому у него возникло право на выбор основания отчисления. С выводами гарнизонного военного суда согласился суд апелляционной инстанции.

Отменяя судебные акты и принимая новое решение об отказе в удовлетворении заявленных Щ. требований, суд кассационной инстанции указал, что право выбора основания увольнения относится к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, тогда как административный истец отчислен из Военного института по неуспеваемости и направлен для прохождения военной службы по призыву, при этом жалоб на состояние здоровья он не высказывал, в том числе не указывал на невозможность продолжения обучения по состоянию здоровья.

При этом судом кассационной инстанции оставлены без внимания иные имеющие существенное значение обстоятельства.

В соответствии с п. 2 ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” военнослужащие не реже одного раза в год проходят медицинские осмотры, диспансеризацию в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. При отсутствии по месту военной службы военнослужащих военно-медицинских организаций и (или) при отсутствии в них

отделений соответствующего профиля, специалистов или специального медицинского обслуживания военнослужащие имеют право на прохождение диспансеризации в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения. Аналогичные предложения содержатся в ст. 349 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, и в п. 11.2 Порядка прохождения медицинских осмотров и диспансеризации военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного приказом Росгвардии от 23 апреля 2021 г. № 142.

Кроме того, как следует из приложения № 2 к названному приказу Росгвардии, в перечень исследований, которые проводятся военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, при прохождении ими диспансеризации входит флюорография легких.

В судебном заседании исследовались письменные возражения начальника военной поликлиники Военного института С., который, подтвердив обязательность ежегодной диспансеризации административного истца, указал, что рентгенологическое исследование ему надлежало пройти, что подтверждается данными медицинской книжки, не ранее 17 октября 2020 г. Однако этого сделано не было по причине реконструкции зданий института и консервации в связи с этим оборудования рентгенологического кабинета.

Рентгенологическое исследование Щ. проведено на базе военного госпиталя войск национальной гвардии Российской Федерации лишь 19 мая 2021 г., по результатам которого, направленным в Военный институт 28 июня 2021 г., у него выявлен туберкулез правого легкого.

Впоследствии диагноз (инфильтративный туберкулез) был подтвержден 9 июня и 8 июля 2021 г. по результатам обследования в условиях стационара в период военной службы и по месту жительства после увольнения в запас.

Таким образом, в судебном заседании установлено, что Щ. по независящим от него причинам не был осведомлен о своем заболевании в период обучения в Военном институте, которое свидетельствовало о наличии у него на момент отчисления категории годности к военной службе «В» — ограниченно годен к военной службе.

Эти обстоятельства, имеющие существенное значение по делу, подлежали учету кассационным военным судом при принятии решения, чего сделано не было.

Кроме того, в соответствии с подп. «г» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) военнослужащий подлежит увольнению с военной службы по состоянию здоровья — в связи с признанием во-

енно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе военнослужащего, проходящего военную службу по контракту на воинской должности, для которой штатом предусмотрено воинское звание до старшины или главного корабельного старшины включительно, или проходящего военную службу по призыву.

Согласно п. 11 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, при наличии у военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, нескольких оснований для увольнения с военной службы он увольняется по избранному им основанию, за исключением случаев, указанных в этой норме (не имеющих отношения к Щ.).

В соответствии с п. 2 Порядка отчисления из военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации, порядка восстановления в таких организациях, порядка перевода обучающихся из одной военной образовательной организации высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации в другую такую организацию, утвержденного приказом Росгвардии от 7 ноября 2017 г. № 468, обучающиеся, проходящие военную службу по контракту, отчисляются из военной образовательной организации в том числе по состоянию здоровья (на основании заключения военно-врачебной комиссии) в связи с невозможностью продолжать обучение по независящим от них причинам.

То обстоятельство, что Щ., относящийся на момент отчисления из Военного института к категории военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, не мог продолжать военную службу и обучение по состоянию здоровья, подтверждается данными о нахождении его на стационарном лечении с 2 июня по 1 июля 2021 г. (т.е. на следующий день после зачисления в списки части для прохождения военной службы по призыву в связи с отчислением из Военного института), с 6 по 8 июля, с 12 июля по 15 сентября, с 16 ноября по 17 декабря 2021 г., с 20 декабря 2021 г. по 17 января 2022 г., с 18 января по 31 мая 2022 г. и на амбулаторном лечении — с 1 июня по 18 августа 2022 г. При этом 28 октября 2021 г. ему сделана операция в виде резекции правого легкого. Изложенные обстоятельства указывают также на уважительность пропуска административным истцом срока на обращение в суд.

Таким образом, на момент рассмотрения вопроса о возможности продолжения Щ. обучения в Военном институте условия для его отчисления именно по состоянию здоровья уже объективно существовали, что указывает на правильность вывода суда первой инстанции о нарушении оспариваемым приказом начальника Военного института прав административного истца в части отчисления его по нежеланию учиться.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Участие в качестве защитника по уголовному делу адвоката, который ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им обвиняемого, обоснованно признано нарушением права на защиту

*Постановление судебной коллегии
по уголовным делам*

*Пятого кассационного суда общей юрисдикции
от 31 мая 2023 г.*

(Извлечение)

По приговору Шелковского районного суда Чеченской Республики от 11 марта 2019 г. Д. осужден по п. “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

В апелляционном порядке дело не рассматривалось.

Д. признан виновным в незаконном сбыте наркотического средства в значительном раз-
мере.

В кассационной жалобе адвокат Э. в интересах Д. указывал на незаконность и необоснованность приговора суда: в основу приговора в отношении Д. был положен обвинительный приговор от 20 декабря 2018 г. в отношении В.; защиту В. в судебном заседании осуществлял адвокат М., который также осуществлял защиту Д. в суде первой инстанции; при этом между интересами В. и Д. имелись противоречия, что повлекло нарушение права Д. на защиту.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. кассационная жалоба адвоката в защиту осужденного Д. вместе с материалами уголовного дела передана для рассмотрения в Пятый кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции 31 мая 2023 г., изучив уголовное дело и проверив доводы кассационной жалобы, пришла к следующим выводам.

Согласно ч. 6 ст. 49 УПК РФ одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого.

В силу п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ защитник подлежит отводу, если оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им лица.

В соответствии с разъяснениями, данными в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 “О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве”, при наличии любого из обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ, участие защитника исключается во всех стадиях уголовного судопроизводства. Если между интересами обвиняемых,

защиту которых осуществляет один адвокат, выявятся противоречия (признание обвинения одним и оспаривание другим по одним и тем же эпизодам дела; изболечение одним обвиняемым другого и т.п.), то такой адвокат подлежит отводу (п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, п. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В силу закона установленное ограничение относится к случаям, когда защитник в рамках данного или выделенного из него дела оказывает или ранее оказывал в ходе досудебного производства либо в предыдущих стадиях судебного производства и судебных заседаниях юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им обвиняемого.

Как видно из материалов уголовного дела, в ходе предварительного следствия и в судебном заседании интересы Д. представлял адвокат М. по назначению.

Д., допрошенный в ходе предварительного следствия в качестве подозреваемого и обвиняемого с участием адвоката М., полностью признавал свою вину в сбыте наркотических средств и раскаивался в содеянном.

В дальнейшем Д. изменил свои показания и при допросе в качестве обвиняемого 16 августа 2018 г. заявил, что выступал в качестве посредника, согласившись помочь В. в приобретении наркотических средств для его знакомого; что при этом В. знал, что он (Д.) приобретает наркотические средства у Ш.; что не получил деньги от В. за наркотические средства.

Как следует из протокола судебного заседания суда первой инстанции, Д. в ходе судебного разбирательства вину в сбыте наркотических средств не признал, заявив о провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов и свидетеля В., поскольку он согласился на настоячивые просьбы последнего помочь в приобретении наркотических средств.

В ходе судебных прений защитник Д. — адвокат М. заявил о провокационном характере действий сотрудников правоохранительных органов в лице А., а также В., который попросил Д. помочь найти наркотическое средство для А.

В судебном заседании в связи с противоречиями в показаниях были оглашены полученные в ходе предварительного следствия показания свидетеля В., которые он полностью подтвердил. Согласно этим показаниям Д. после его звонка согласился помочь найти наркотические средства для его друга за 5000 руб. Позднее Д. передал ему (В.) четыре свертка с наркотическими средствами, он вышел из автомобиля и отдал их А., а тот передал 5000 руб. одной купюрой. Затем он сел в автомобиль и передал Д. полученные от А.

деньги, после чего они были задержаны сотрудниками полиции.

Данные показания свидетеля В. приведены в приговоре в качестве доказательства совершения преступления, в котором признан виновным Д. по факту незаконного сбыта им 28 декабря 2017 г. наркотических средств в значительном размере А. при пособничестве В.

В судебном заседании была исследована и приобщена к материалам уголовного дела копия приговора Шелковского районного суда Чеченской Республики от 20 декабря 2018 г., по которому В. осужден по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 228 УК РФ. Защиту В. в судебном заседании осуществлял адвокат М. по назначению.

При таких обстоятельствах следует признать, что между интересами осужденного Д., отрицавшего свою вину в сбыте наркотических средств и указывавшего на провокационный характер действий сотрудников правоохранительных орга-

нов, и интересами В., который фактически изобличал Д. в сбыте за деньги наркотических средств, имелись существенные противоречия, в связи с чем адвокат М. не вправе был участвовать после 20 декабря 2018 г. в дальнейшем производстве по уголовному делу в качестве защитника осужденного Д.

Однако судом первой инстанции после постановления приговора 20 декабря 2018 г. в отношении В. и приобщения копии этого приговора к материалам уголовного дела в отношении Д. никаких процессуальных мер принято не было, и адвокат М. продолжил участие в деле в качестве защитника Д., чем нарушено право обвиняемого на защиту.

При таких обстоятельствах судебная коллегия по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции отменила приговор в отношении Д. и передала уголовное дело на новое судебное рассмотрение¹.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 2 (2025)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Защита права собственности и других вещных прав

1. Недействительность сделки, на основании которой передано имущество, сама по себе не свидетельствует о том, что имущество вышло из владения собственника помимо его воли, и не является достаточным основанием для истребования этого имущества у последующего приобретателя, добросовестность которого предполагается, пока не доказано обратное.

Финансовый управляющий гражданина-должника П. обратился в суд с иском к В., И. об истребовании имущества из чужого незаконного владения, ссылаясь на то, что в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) П. постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции от 27 августа 2021 г. признаны недействительными договоры купли-продажи двух нежилых помещений от 10 декабря 2018 г., заключенные между П. и М., в качестве последствий недействительности сделки с М. в пользу П. взысканы денежные средства в размере 2 602 526,60 руб. (рыночная стоимость спорных объектов недвижимости), однако данное постановление в части взыскания денежных средств не исполнено.

Определением арбитражного суда от 6 августа 2019 г. в отношении П. возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве), решением арбитражного суда от 26 февраля 2020 г. она признана банкротом, введена процедура реализации имущества.

Поскольку на момент предъявления иска собственником названных нежилых поме-

щений в результате ряда последующих сделок являлся И., финансовый управляющий просил истребовать у него эти нежилые помещения.

Удовлетворяя исковые требования финансового управляющего, суд первой инстанции исходил из того, что действия И., связанные с приобретением имущества по договору купли-продажи от 5 мая 2021 г., нельзя признать добросовестными из-за явного несоответствия цены сделки кадастровой стоимости нежилых помещений. С такими выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала содержащиеся в обжалуемых судебных постановлениях выводы о наличии оснований для удовлетворения виндикационного иска финансового управляющего незаконными.

В силу ст. 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения.

Пунктом 1 ст. 302 ГК РФ установлено, что, если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из владения иным путем помимо их воли.

¹По приговору Шелковского районного суда Чеченской Республики от 5 октября 2023 г. Д. осужден по п. "б" ч. 3 ст. 228¹ УК РФ. Защиту интересов Д. осуществлял адвокат И.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 39 совместного постановления пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ № 10/22 от 29 апреля 2010 г. “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав”, собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения независимо от возражений ответчика о том, что он является добросовестным приобретателем, если докажет факт выбытия из его владения или владения лица, которому оно было передано собственником, помимо его воли. Недействительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество лица помимо его воли. Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения иному лицу.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что при рассмотрении иска собственника об истребовании принадлежащего ему имущества из незаконного владения лица, к которому это имущество перешло на основании возмездной сделки, юридически значимыми и подлежащими судебной оценке обстоятельствами являются наличие либо отсутствие воли собственника на выбытие имущества из его владения, а также соответствие либо несоответствие поведения приобретателя имущества требованиям добросовестности. При этом направленность действий продавца на то, чтобы вывести имущество из конкурсной массы и не допустить обращения на него взыскания, сама по себе не свидетельствует о недобросовестности последующего приобретателя, если тот не знал и не мог знать о банкротстве правоотчуждателя.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) П. судами установлено, что спорные нежилые помещения реализованы ею на основании сделки, в целях вывода имущества, на которое могло быть обращено взыскание. Таким образом, не имеется оснований считать, что данное имущество вышло из владения П. не по воле самого собственника.

Абзацем 3 п. 6 ст. 81 ГК РФ предусмотрено, что приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным (ст.ст. 234 и 302 ГК РФ), пока в судебном порядке не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него.

По смыслу названной нормы и ст. 10 ГК РФ предполагается добросовестность участника гражданского оборота, полагавшегося при приобретении недвижимого имущества на данные ЕГРН.

Как установили суды, на момент приобретения И. нежилых помещений по договору купли-продажи от 5 мая 2021 г. у В., право собственности которого зарегистрировано в декабре 2019 г., в ЕГРН отсутствовали отметки о судебных спорах или возражениях в отношении данного имущества.

Считая И. недобросовестным, суд сослался на указание в договоре купли-продажи цены имущества, отличной от реальной стоимости, уплаченной В. за приобретаемые объекты недвижимости, вследствие чего И. должен был принять дополнительные меры для проверки обстоятельств, при которых В. продал спорные помещения.

В то же время истцом в материалы дела представлена расписка продавца, согласно которой имущество приобретено по цене выше, чем указано в договоре купли-продажи, а также учтены доводы И. о том, что он узнал о продаже спорных помещений на интернет-сервисе “Авито”, ранее с продавцом В. знаком не был. При проверке документов с привлечением нотариуса суд установил, что В. приобрел помещения у гражданина М., что следовало из договора купли-продажи от 10 декабря 2019 г. и выписки из ЕГРП, согласно которой В. владел недвижимым имуществом, купленным у М., почти 2 года, т.е. оно не перепродавалось в экстренном порядке, это была обычная гражданско-правовая сделка. Никаких сведений о П. и ее правах на приобретаемое И. имущество в этих документах указано не было.

С учетом изложенного вопрос о добросовестности ответчика (покупателя) И. не мог быть правильно разрешен до выяснения всей совокупности обстоятельств, относящихся к заключению им договора купли-продажи, в том числе касающихся подыскания продавца, проведения с ним переговоров, осмотра имущества, наличия или отсутствия у покупателей сведений о притязаниях третьих лиц в отношении данного имущества.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила обжалуемые судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 41-КГ23-65-К4

2. При оценке добросовестности приобретателя заложенного имущества суду следует проверять, имелась ли у него возможность получить сведения о залоге этого имущества при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него в данном случае.

Банк предъявил иск к З. об обращении взыскания на заложенное имущество.

Судом установлено, что 27 марта 2014 г. между банком и К. заключен кредитный договор о предоставлении заемщику денежных средств, исполнение обязательств по которому обеспечено залогом автомобиля. Уведомление о возникновении залога движимого имущества с указанием на залого-

дателя К. зарегистрировано на сайте Федеральной нотариальной палаты 3 марта 2015 г.

Решением суда от 24 апреля 2017 г. с К. в пользу банка взыскана задолженность по кредитному договору от 27 марта 2014 г. и обращено взыскание на указанный автомобиль. В ходе рассмотрения данного дела судом установлено, что 23 августа 2016 г. указанный автомобиль снят с регистрационного учета в связи с прекращением права собственности К. и поставлен на регистрационный учет на имя Л. 7 октября 2017 г. автомобиль был перерегистрирован на имя Е.

6 марта 2018 г. В. приобрел данный автомобиль у Е., перерегистрацию в ГИБДД не производил, перед оформлением сделки запрашивал сведения об ограничениях в ГИБДД.

4 августа 2018 г. собственником автомобиля на основании договора, заключенного 3 августа 2018 г. в простой письменной форме с В., стала З.

Из копии паспорта спорного транспортного средства следует, что собственниками транспортного средства последовательно указаны: К., Л., Е., В., З.

Отказывая банку в удовлетворении требований об обращении взыскания на заложенное имущество, суд первой инстанции исходил из того, что на момент приобретения З. спорного автомобиля на официальном сайте Федеральной нотариальной палаты www.reestr-zalogov.ru при указании поиска по параметрам “VIN/PIN, шасси, рама” сведения о залоге данного автомобиля отсутствовали, в связи с чем ответчик был убежден в отсутствии правопритязаний на приобретаемое транспортное средство.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковые требования, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что судом первой инстанции неправильно применены положения ст. 352 ГК РФ и не учтено, что З. обратилась с запросом сведений о залоге по информации о залогодателе только после обращения банка в суд, при этом информация о залоге при указании поиска по названным выше параметрам (“VIN/PIN, шасси, рама”) стала доступна по уведомлениям, зарегистрированным после 12 марта 2019 г., в связи с чем оснований для признания добросовестности приобретения предмета залога ответчиком не имелось.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, проверяя законность обжалуемых судебных постановлений об удовлетворении иска об обращении взыскания на заложенное имущество и отказе в признании добросовестности приобретения предмета залога, отметила следующее.

Из положений п. 1 ст. 353 ГК РФ следует, что в случае перехода прав на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу в результате возмездного или безвозмездного отчуждения этого имущества (за исключением случаев, указанных в подп. 2 п. 1 ст. 352 и ст. 357 данного Кодекса) либо в порядке универсального правопреемства залог сохраняется. В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ залог прекращается, если заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога.

Следовательно, при переходе по возмездной сделке права собственности на заложенное имущество от залогодателя к добросовестному приобретателю залог прекращается в силу закона. Такое имущество лишается признаков предмета залога, в том числе и в случае внесения его в дальнейшем в реестр уведомлений о залоге движимого имущества Федеральной нотариальной палаты, а последующие приобретатели такого имущества не несут обязанностей залогодателя, независимо от их осведомленности о том, что ранее в момент отчуждения имущества добросовестному приобретателю оно было заложено.

Суды апелляционной и кассационной инстанций, разрешая спор об обращении взыскания на заложенное имущество, неправильно истолковали положения подп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ, в связи с чем незаконно оставили без внимания и оценки доводы ответчика З. о том, что она является добросовестным приобретателем, поскольку не знала и не могла знать, что автомобиль являлся предметом залога, ввиду отсутствия возможности на момент совершения указанной сделки получить сведения о залоге в реестре.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для правильного разрешения спора, поскольку приобретение заложенного имущества лицом, которое на момент его приобретения не знало и не могло знать об этом залоге, прекращает залог в силу закона, а последующее внесение залогодержателем надлежащих сведений о залоге в публичный реестр не является основанием для восстановления прекращенного залога.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 60-КГ23-3-К9

3. Несовершеннолетнего наследника нельзя признать фактически принявшим наследство без учета поведения его законного представителя и мнения органа опеки и попечительства.

Банк обратился в суд с иском к Ю., В.В. в лице ее законного представителя — Ю., администрации города, администрации района о взыскании задолженности по кредит-

ному договору за счет наследственного имущества, указав, что 25 марта 2013 г. между банком и В. (заемщик, наследодатель) заключен договор на предоставление возобновляемой кредитной линии посредством выдачи кредитной карты. 19 января 2021 г. банку стало известно, что 8 апреля 2018 г. заемщик умер, на дату его смерти обязательство не исполнено, в связи с чем образовавшуюся на 24 февраля 2021 г. задолженность просил взыскать с наследников.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст.ст. 307, 309, 310, 819 и 1175 ГК РФ, с учетом установленных по делу обстоятельств пришел к выводу, что наследство В. никто из наследников не принял, доказательств перехода в собственность муниципального образования выморочного имущества в виде 1/2 доли в праве собственности на квартиру не представлено.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение о частичном удовлетворении иска банка и взыскании суммы задолженности с В.В. в лице ее законного представителя — Ю., суд апелляционной инстанции исходил из отсутствия в материалах наследственного дела сведений о том, что отказ Ю. в интересах несовершеннолетней дочери от наследства совершен с разрешения органов опеки и попечительства и принят нотариусом, и из того, что материалы дела содержат доказательства совершения В.В. действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, в связи с чем она должна отвечать по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к ней наследственного имущества. Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила обжалуемые судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

Согласно ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

В соответствии со ст. 1152 названного Кодекса для приобретения наследства наследник должен его принять. Для приобретения выморочного имущества принятие наследства не требуется (п. 1).

Статья 1153 ГК РФ определяет способы принятия наследства: путем подачи наследником нотариусу заявления о принятии наследства (о выдаче свидетельства о праве на наследство) либо осуществления наследником действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства.

В соответствии с п. 2 ст. 1157 данного Кодекса наследник вправе отказаться от наследства в течение срока, установленного

для принятия наследства (ст. 1154 ГК РФ), в том числе в случае, когда он уже принял наследство.

Отказ от наследства не может быть впоследствии изменен или взят обратно (п. 3 ст. 1157 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно (ст. 323). Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

В п. 60 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 “О судебной практике по делам о наследовании” разъяснено, что ответственность по долгам наследодателя несут все принявшие наследство наследники независимо от основания наследования и способа принятия наследства, а также Российская Федерация, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург или муниципальные образования, в собственность которых переходит выморочное имущество в порядке наследования по закону. Принявшие наследство наследники должника становятся солидарными должниками (ст. 323 ГК РФ) в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества. Наследники, совершившие действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, отвечают по долгам наследодателя в пределах стоимости всего причитающегося им наследственного имущества.

В судебных заседаниях Ю. представляла доказательства, подтверждающие отсутствие намерения принять наследство в пользу ее несовершеннолетней дочери, а именно письменное обращение к нотариусу, датированное 8 октября 2018 г., с соответствующим заявлением в интересах несовершеннолетней дочери об отказе от принятия наследства, а также полученное в пределах установленного законом срока согласие органа опеки и попечительства на оформление отказа от принятия наследства от имени несовершеннолетней, также датированное 8 октября 2018 г. Однако суд принял во внимание ответ нотариуса о том, что заявление зарегистрировано ею 17 октября 2018 г., кроме того, суд сделал вывод о фактическом принятии наследства несовершеннолетней, поскольку мать несовершеннолетней является собственником 1/2 доли спорной квартиры, что свидетельствует в том числе о принятии наследства несовершеннолетней и о том, что это является достаточным основанием для возложения на нее ответственности по долгам наследодателя.

Данные выводы сделаны без учета всех юридически значимых обстоятельств и при неправильном толковании норм материального права, регулирующих спорные правоотношения.

Пунктом 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., провозглашено, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Согласно п. 3 ст. 60 СК РФ ребенок имеет право собственности на доходы, полученные им, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка.

Право ребенка на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом определяется ст.ст. 26 и 28 ГК РФ.

При осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом ребенка на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении распоряжения имуществом подопечного (ст. 37 ГК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 37 ГК РФ опекун не вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать, а попечитель — давать согласие на совершение сделок по отчуждению, в том числе обмену или дарению имущества подопечного, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других действий, влекущих уменьшение имущества подопечного.

Пунктом 4 ст. 1157 ГК РФ предусмотрено, что отказ от наследства в случае, когда наследником является несовершеннолетний, недееспособный или ограниченно дееспособный гражданин, допускается с предварительного разрешения органа опеки и попечительства.

По смыслу приведенных выше норм законодатель, устанавливая получение обязательного согласия органа опеки и попечительства на совершение действий по отказу от наследства в случае, когда наследником является несовершеннолетний, исходит из принципа соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетнего с целью не допустить ухудшение его положения.

Кроме того, по общему правилу, установленному законодательством об опеке и попечительстве, все сделки с имуществом несовершеннолетних совершаются к их выгоде.

Как видно из материалов дела, судом были проигнорированы доводы Ю. о том, что интересам ребенка не отвечало принятие наследства ввиду множественных долговых обязательств наследодателя перед кредитными учреждениями. Орган опеки и попечительства, рассмотрев заявление Ю., со-

гласился с ее доводами и дал согласие на отказ от наследства. Данное заключение не оспорено и не отменено.

Между тем суд апелляционной инстанции ошибочно связал действия законного представителя несовершеннолетней в отношении владения и пользования спорной квартирой, оценив их как действия по фактическому принятию наследства несовершеннолетней, которая в силу возраста самостоятельно не имеет возможности реализовать права в собственных интересах (как по фактическому принятию наследства, так и по отказу от его принятия), не приняв во внимание поданное нотариусу письменное заявление об отказе от принятия наследства.

Как следует из материалов дела, имеются иные вступившие в законную силу решения судов о взыскании кредитной задолженности наследодателя В. с наследников, которыми суды установили, что Ю. и ее дочь В.В. отказались от наследства, открывшегося после смерти В., других наследников у последнего не установлено. Суды признали наследственное имущество В. выморочным, а местную администрацию в силу ст. 1151 ГК РФ осуществляющей правомочия собственника в отношении выморочного имущества в виде 1/2 доли спорной квартиры.

Однако эти обстоятельства правовой оценки суда не получили.

Определение № 41-КГ24-4-К4

4. Семейным законодательством установлена презумпция возникновения режима совместности собственности супругов на приобретенное в период брака имущество независимо от того, на чье имя оно оформлено.

И. обратилась в суд с иском к С. о разделе приобретенного в период брака сторон имущества: земельного участка и находящихся на нем жилого дома, летней кухни, гаража и навеса; 100% долей в уставных капиталах двух обществ; денежных средств, полученных С. в виде возврата займов, процентов за пользование займами и дивидендов; денежных средств, поступивших на банковские счета на имя С. в рублях и иностранной валюте, полученных С. наличными деньгами в результате операций по обмену валют, установив на указанное имущество режим раздельной собственности и признав за каждым из супругов право собственности на имущество, определенное в соответствии с предложенным истцом вариантом раздела.

С. подал встречный иск к И. об исключении указанного им имущества и денежных средств из общего имущества супругов, сославшись на то, что семейные отношения между сторонами прекращены в феврале 2014 г., права на приведенные во встречном исковом заявлении денежные средства были приобретены им после указанного момента, кроме того, И. не вкладывала свои денежные средства в приобретение долей в уставных капиталах обществ и их развитие, како-

го-либо участия в деятельности обществ, в том числе и посредством личного труда, не принимала, в период брака не работала, после достижения детьми сторон совершеннолетия у И. отсутствовали уважительные причины неполучения самостоятельного дохода.

Разрешая спор, суд первой инстанции, посчитав доказанным факт прекращения семейных отношений между супругами И. и С. в феврале 2014 г., пришел к выводу о наличии оснований для удовлетворения исковых требований И. лишь в части раздела земельного участка и возведенного на нем жилого дома, как совместно нажитого в браке с С. имущества.

Отказывая в удовлетворении остальной части первоначальных исковых требований и удовлетворяя встречные исковые требования в части признания 100% долей в уставных капиталах обществ личной собственностью С., суд исходил из того, что спорные доли в уставных капиталах обществ были приобретены С. за счет денежных средств, полученных им по договорам займа от 1 июля 2013 г. и 1 сентября 2014 г. и являвшихся с учетом позиции И., заявлявшей, что она не имеет отношения к указанным долговым обязательствам и возражает против их раздела, а также отказа С. от исковых требований о признании данных обязательств общими супружескими, личными денежными средствами С.

Кроме того, суд указал, что часть долей в уставных капиталах обществ приобретена С. после прекращения семейных отношений между супругами, и существенное правовое значение имеет тот факт, что на протяжении всего нахождения в браке И. не работала, доказательств, подтверждающих, что с момента достижения детьми совершеннолетия у нее имелась уважительная причина отсутствия самостоятельного дохода, не представляла.

Отказывая в удовлетворении первоначальных исковых требований в части раздела денежных средств, имевшихся в период брака на банковских счетах С., денежных средств, переданных им по договорам займа, суд сослался на то, что испрашиваемые И. к разделу денежные средства, заявленные в рублях и иностранной валюте, на момент предъявления иска и разрешения спора на расчетных счетах С. уже не находились.

Суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции оставили решение суда без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном применении норм права, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи со следующим.

Законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности (п. 1 ст. 33 СК РФ). В соответствии с положениями пп. 1, 2 ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и др.). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Однако имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью (п. 1 ст. 36 СК РФ).

В силу п. 3 ст. 34 СК РФ право на общее имущество супругов принадлежит также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода. Согласно п. 1 ст. 39 СК РФ при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами. Общие долги супругов при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям (п. 3 данной статьи).

Судом не принято во внимание, что семейным законодательством (ст.ст. 33, 34 СК РФ) установлена презумпция возникновения режима совместной собственности супругов на приобретенное в период брака имущество независимо от того, на чье имя оно оформлено. Обязанность доказать обратное и подтвердить факт приобретения имущества в период брака за счет личных денежных средств возложена на супруга, претендующего на признание имущества его личной собственностью.

Делая вывод, что доли в уставных капиталах обществ являются личным имуществом С., суд исходил из факта их приобрете-

ния ответчиком по первоначальному иску на его личные денежные средства, являющиеся таковыми в связи с получением их по заемным обязательствам, возникшим в период брака сторон, но признанным судом при рассмотрении данного дела личными долговыми обязательствами С.

Вместе с тем судом не было учтено, что семейное законодательство п. 2 ст. 45 СК РФ ставит возможность признания долговых обязательств одного из супругов общими супружескими обязательствами в зависимости от установления обстоятельств, связанных с направлением всего, полученного по таким обязательствам, на нужды семьи.

Обратного положения, позволяющего суду при отсутствии оснований, предусмотренных положениями ст. 36 СК РФ, отказать в признании имущества, перечисленного в ст. 34 этого Кодекса, совместно нажитым имуществом сторон по мотиву неучтенности при его разделе общих долгов супругов, вопреки суждениям суда, закон не содержит.

При этом таких оснований, по которым полученные С. в период брака с И. заемные денежные средства могли быть отнесены к личным денежным средствам одного из супругов и бремя доказывания наличия которых в силу закона должно было быть возложено судом на супруга, претендующего на признание имущества его личной собственностью, судом в нарушение положений ч. 2 ст. 56 ГПК РФ установлено не было.

Более того, придавая при разрешении вопроса о признании нажитого в период брака с И. имущества личным имуществом С. существенное значение отсутствию у И. самостоятельного дохода, в том числе после достижения детьми сторон совершеннолетия, суд фактически проигнорировал требования п. 3 ст. 34 СК РФ, не допускающего умаление прав супруга, в период брака осуществлявшего ведение домашнего хозяйства, на общее супружеское имущество.

В силу п. 4 ст. 38 СК РФ суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака”, если после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства супруги совместно имущество не приобретали, суд в соответствии с п. 4 ст. 38 СК РФ может произвести раздел лишь того имущества, которое являлось их общей совместной собственностью ко времени прекращения ведения общего хозяйства.

Отказ суда в удовлетворении исковых требований И. о разделе денежных средств,

имевшихся на банковских счетах С., в связи с их отсутствием на момент подачи искового заявления и рассмотрения дела с учетом вывода суда о прекращении фактических семейных отношений сторон до обращения И. с иском в суд приведенным требованиям закона и разъяснениям по его применению не отвечает. По данному делу юридически значимым и подлежащим доказыванию обстоятельством являлось выяснение вопроса о сумме находившихся на банковских счетах супруга денежных средств к моменту фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства. Между тем данное обстоятельство, имеющее существенное значение для правильного разрешения спора, суд оставил без установления и правовой оценки.

Определение № 18-КГ23-221-К4

Защита права на возмещение вреда

5. По смыслу ст. 1079 ГК РФ строительство автомобильной дороги может быть признано деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих.

Невозможность точного определения степени влияния одной из совокупных причин на возникновение ущерба и точного расчета убытков не является основанием для лишения потерпевшего права на возмещение ущерба, размер которого в таком случае определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов разумности и соразмерности.

К. обратилась в суд с иском к ГКУ “Главтатдортранс” о возмещении ущерба и компенсации морального вреда, указав, что является собственником земельного участка и расположенного на нем жилого дома в г. Казани. В результате строительства автомобильной дороги жилому дому К. причинен вред: произошла деформация стен, образовались трещины, возникли разломы кирпича, сдвигка кирпичной кладки, повреждение основания фундамента дома, что привело жилое помещение в непригодное для проживания состояние, в связи с чем истец как собственник жилого дома ограничена в его пользовании, поскольку не исключается обрушение части стены дома. Кроме того, в жилом доме отмечаются повышенный уровень шума и вибрация, в связи с чем у истца нарушился сон и начались головные боли.

Определением суда по ходатайству представителя истца по делу назначена судебная экспертиза, производство которой поручено ООО “Институт строительно-технической экспертизы”.

Согласно заключению эксперта фактическое несоответствие конструктивного элемента (стены) жилого дома обязательным строительным нормам и правилам в связи с фактическим отсутствием требуемого армирования лицевого и основного слоев в плоскости стен и гибких связей, вертикальных диафрагм, а также отсутстви-

ем гидроизоляционного слоя выше уровня тротуара или верха отмостки явилось причиной возникновения выявленных дефектов, которые, в свою очередь, являются следствием совокупности воздействий. Совокупность воздействий выражается в виде совместного и попеременного воздействия вибрационных нагрузок, связанных с работами по строительству автомобильной дороги, и сил морозного пучения, не связанных с этими работами. Прямая причинно-следственная связь между выявленными дефектами и работами по строительству автомобильной дороги отсутствует, воздействия в виде вибрационных нагрузок явились катализатором процессов, возникающих при выявленных несоответствиях конструктивных элементов.

По результатам анализа документации, предоставленной в составе материалов дела, и данных, полученных в процессе натурного осмотра, экспертом установлено отсутствие прямой причинно-следственной связи появления дефектов с работами по строительству автомобильной дороги и указано, что стоимость восстановительных работ дома не подлежит расчету.

Не согласившись с выводами судебной экспертизы, истец произвел дополнительное обследование, в том числе с выемкой отдельных кирпичей из стены с целью визуального осмотра, в результате чего стали видны армировочные сетки на кирпичной кладке.

В целях устранения противоречий в судебное заседание был вызван эксперт, который пояснил, что в ходе проведения судебной экспертизы осуществлен визуальный осмотр трещин в кирпичной кладке стен дома, в которых следы армирования не просматривались. Для более детального исследования требуется разбор части кирпичной кладки.

Определением суда назначена дополнительная экспертиза с производством необходимых действий по разбору элементов, от проведения данных действий истец отказался.

Разрешая спор и отказывая в иске, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что кирпичная кладка индивидуального жилого дома выполнена с нарушениями действующих строительных норм и правил, повлекшими образование в ней трещин под совокупным воздействием внешних факторов, в связи с чем основания для возложения ответственности за причиненный истцу ущерб на ГКУ “Главтатдортранс”, по мнению суда, отсутствуют. Решение суда первой инстанции оставлено без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, проверяя законность обжалуемых судебных постановлений, признала их вынесенными с существенным нарушением норм права, без опре-

деления и установления всех имеющих значение для дела обстоятельств.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала следующее.

Согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (п. 2).

Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 постановления от 26 января 2010 г. № 1 “О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина” разъяснил, что установленная ст. 1064 ГК РФ презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия своей вины должны представить сами ответчики.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в абз. 1 и 2 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков.

Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Согласно приведенным нормам права и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ невозможность точного расчета убытков не является основанием для лишения потерпевшего права на возмещение ущерба, размер которого в таком случае определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов разумности и соразмерности. Аналогичным образом невозможность точного определения степени влияния одной из совокупных причин на возникновение ущерба не должна приводить к лишению потерпевшего права на возмещение вреда.

При разрешении данного спора судом не дана оценка заключению эксперта о том, что одной из совокупных причин повреждения являются дорожные строительные работы.

Отказываясь от проведения повторной экспертизы, истец ссылалась на чрезмерную затратность предложенного экспертом способа выявления армирования кирпичной кладки путем разборки стены и указывала на наличие более щадящих и менее затратных способов его выявления, однако судебными инстанциями этим обстоятельствам оценки не дано.

Не обсужден судами и вопрос о том, подлежат ли применению в данном деле положения ст. 1079 ГК РФ, в соответствии с п. 1 которой юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с ней деятельности, и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, предусмотренным пп. 2 и 3 ст. 1083 данного Кодекса.

Кроме того, К., заявляя требования о компенсации морального вреда, ссылалась на то, что как во время строительства автомобильной дороги, так и на момент рассмотрения дела судом уровень звука в ее доме превышает допустимые нормативные значения, в связи с чем истец испытывает регулярные головные боли и проблемы со сном.

При таких обстоятельствах отказ в иске в полном объеме нельзя признать законным.

Определение № 11-КГ23-21-К6

6. Факт наличия или отсутствия вины каждого из участников дорожно-транспортного происшествия подлежит установлению судом при рассмотрении гражданского дела о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.

Постановление административного органа о привлечении лица к административной ответственности, вынесенное в отношении одного из участников дорожно-транспортного происшествия, может являться одним из письменных доказательств, однако преюдициального значения не имеет.

Страховщик обратился в суд с иском к К. о возмещении ущерба в порядке суброгации, указав в обоснование, что 19 июня 2021 г. в результате дорожно-транспортного происшествия был поврежден автомобиль, принадлежащий обществу и застрахованный по договору добровольного стра-

хования. Признав случай страховым, истец оплатил восстановительный ремонт данного транспортного средства на сумму 1 987 278,35 руб., в связи с чем просил взыскать с ответчика ущерб в виде произведенных расходов на данный ремонт за вычетом полученной по договору обязательного страхования гражданской ответственности К. страховой суммы в размере 400 000 руб.

Удовлетворяя иск, суд первой инстанции исходил из вины ответчика в дорожно-транспортном происшествии, что подтверждается постановлением по делу об административном правонарушении от 19 июня 2021 г.

С выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала обжалуемые судебные постановления вынесенными с существенными нарушениями норм права.

Согласно п. 1 ст. 965 ГК РФ, если договором имущественного страхования не предусмотрено иное, к страховщику, выплатившему страховое возмещение, переходит в пределах выплаченной суммы право требования, которое страхователь (выгодоприобретатель) имеет к лицу, ответственному за убытки, возмещенные в результате страхования.

В соответствии с абз. 2 п. 3 ст. 1079 ГК РФ вред, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности их владельцам, возмещается на общих основаниях (ст. 1064).

Из положений ст. 1064 ГК РФ следует, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (п. 1). Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (п. 2).

Как разъяснено в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 “О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина”, вред владельцам источников повышенной опасности, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности, возмещается на общих основаниях (ст. 1064 ГК РФ), т.е. по принципу ответственности за вину. При этом необходимо иметь в виду следующее: а) вред, причиненный одному из владельцев по вине другого, возмещается виновным; б) при наличии вины лишь владельца, которому причинен вред, он ему не возмещается; в) при наличии вины обоих владельцев размер возмещения определяется соразмерно степени вины каждого; г) при отсутствии вины владельцев во взаимном причинении вреда (не-

зависимо от его размера) ни один из них не имеет права на возмещение вреда друг от друга.

С учетом приведенных норм права и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ факт наличия или отсутствия вины каждого из участников дорожного движения в дорожно-транспортном происшествии является обстоятельством, имеющим юридическое значение для правильного разрешения спора о возмещении вреда, причиненного в результате взаимодействия источников повышенной опасности их владельцам.

Принимая решение об удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что вина К. в дорожно-транспортном происшествии подтверждается постановлением по делу об административном правонарушении, которое ответчиком не оспорено и вступило в законную силу. При этом какие-либо обстоятельства, установленные данным постановлением, применительно к спору по данному делу суд не привел и иные доказательства не исследовал.

Между тем постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное административным органом, не обладает свойством преюдициальности при рассмотрении гражданского дела о возмещении вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, и в силу ст.ст. 61, 67, ч. 1 ст. 71 ГПК РФ является письменным доказательством, подлежащим оценке наряду с другими доказательствами.

В рамках производства по делу об административном правонарушении устанавливается вина водителей с точки зрения возможности привлечения их к административной ответственности. То, что второй участник дорожно-транспортного происшествия не был привлечен к административной ответственности, само по себе не свидетельствует об отсутствии его вины в причинении вреда другому участнику этого происшествия.

Таким образом, наличие или отсутствие вины каждого из участников дорожно-транспортного происшествия, степень их вины входят в предмет доказывания по гражданскому делу и являются обстоятельствами, имеющими юридическое значение для правильного разрешения дела, а постановления, вынесенные административным органом по делу об административном правонарушении, не освобождают суд от обязанности установить эти обстоятельства.

Удовлетворяя требования страховщика, суд первой инстанции в нарушение положений ч. 4 ст. 67 и ч. 4 ст. 198 ГПК РФ не указал в мотивировочной части решения мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также основания, по которым одним дока-

зательствам отдано предпочтение перед другими.

Выводы о наличии либо об отсутствии нарушений Правил дорожного движения Российской Федерации со стороны второго участника дорожно-транспортного происшествия решение суда не содержит, владелец данного транспортного средства к участию в деле не привлекался.

Кроме того, суд первой инстанции, устанавливая размер вреда, подлежащего взысканию с К. в пользу страховщика, не принял во внимание содержание п. 3 ст. 1083 ГК РФ об учете имущественного положения причинителя вреда и, несмотря на письменные возражения ответчика, содержащие ссылку на возраст, тяжелое материальное положение, не предложил ему представить соответствующие доказательства.

Ввиду допущенных судом первой инстанции ошибок в применении норм права, которые не были исправлены судом апелляционной инстанции при проверке решения нижестоящего суда и оставлены без внимания судом кассационной инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 18-КГ23-224-К4

Защита трудовых и социальных прав граждан

7. При разрешении споров, связанных с предоставлением субсидии на приобретение или строительство жилого помещения нуждающимся в жилье гражданам из числа коренных малочисленных народов Российской Федерации, исходя из целей и задач государственной политики, направленных на улучшение жилищных условий данной категории граждан, судам при оценке правомерности решения уполномоченного органа о снятии таких граждан с учета нуждающихся в улучшении жилищных условий необходимо принимать во внимание состав семьи гражданина на дату принятия решения.

С. обратилась в суд с иском к Департаменту строительства и жилищно-коммунального комплекса Ханты-Мансийского автономного округа — Югры о признании незаконным решения о снятии с учета на получение субсидии и об исключении из списков участников мероприятия по обеспечению жильем граждан из числа коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, об обязанности восстановить на данном учете и признать право на получение субсидии.

В обоснование заявленных требований С. указала, что она является представителем народа ханты, который в соответствии с постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 “О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Феде-

рации” отнесен к коренным малочисленным народам Российской Федерации.

С 30 декабря 2002 г. С. состоит в браке с А., у супругов трое общих детей — 2004, 2011 и 2017 годов рождения.

Решением уполномоченной организации от 11 марта 2013 г. С. с семьей (супруг и дети 2004 и 2011 годов рождения) была признана участником подпрограммы “Обеспечение жилыми помещениями граждан из числа коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре” целевой программы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры “Улучшение жилищных условий населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2011—2013 годы и на период до 2015 года”, утвержденной постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 23 декабря 2010 г. № 368-п (далее — целевая подпрограмма).

24 марта 2022 г. С. обратилась в Департамент строительства и жилищно-коммунального комплекса Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — уполномоченный орган) с заявлением о предоставлении ей субсидии в планируемом финансовом 2023 году. На дату подачи С. заявления о признании ее участником целевой подпрограммы обеспеченность общей площадью жилого помещения, занимаемого по договору социального найма, на каждого члена ее семьи составляла 11,22 кв.м (менее учетной нормы в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре — 12 кв.м).

Приказом уполномоченного органа от 4 мая 2022 г. С. снята с учета на получение субсидии и исключена из списка участников целевой подпрограммы со ссылкой на то, что с 22 января 2016 г. С. утрачена нуждаемость в улучшении жилищных условий, так как в период с 22 января 2016 г. по 26 января 2018 г. на каждого члена семьи С. приходилось по 16,85 кв.м общей площади жилого помещения, с 26 января 2018 г. — по 13,48 кв.м (более учетной нормы).

По мнению С., решение уполномоченного органа является незаконным, поскольку при определении нуждаемости С. в улучшении жилищных условий не были учтены все члены ее семьи, а именно: сын — Е., 2017 года рождения, и проживающая с 2019 года совместно с семьей С. ее бабушка — Л., 1932 года рождения. С учетом всех членов семьи С. (супруг, трое детей, бабушка) на дату снятия ее с учета на получение субсидии и исключения из списка участников целевой подпрограммы (4 мая 2022 г.) обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи С. составляла менее 12 кв.м (11,22 кв.м), ввиду чего у уполномоченного органа не имелось оснований для принятия оспариваемого решения.

С. также обращала внимание на то, что уполномоченный орган с 2013 года не осуществлял проверку ее документов как участ-

ника целевой подпрограммы, т.е. бездействовал более 9 лет.

Разрешая спор и удовлетворяя иск С., суд первой инстанции, руководствуясь положениями подлежащего применению к спорным отношениям правового регулирования, в том числе пп. 5 и 7 Порядка предоставления субсидии на приобретение или строительство жилых помещений гражданам из числа коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, подавшим до 31 декабря 2014 г. заявления на получение мер государственной поддержки, утвержденного постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29 декабря 2020 г. № 643-п, исходил из того, что на дату издания приказа уполномоченного органа о снятии С. с учета на получение субсидии и об исключении из списка участников целевой подпрограммы (4 мая 2022 г.) семья С. состояла из шести человек и на каждого приходилось менее 12 кв.м (11,22 кв.м) общей площади жилого помещения, в связи с чем С. вместе с членами своей семьи относились к нуждающимся в улучшении жилищных условий в целях предоставления субсидии. При определении нуждаемости таких граждан в улучшении жилищных условий членами их семьи признаются совместно проживающие с ними супруг, дети, родители, а также иные близкие родственники, в числе которых родные бабушки.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований С., суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что она была обоснованно снята с учета на получение субсидии и исключена из списка участников целевой подпрограммы в связи с утратой оснований, дающих право на получение субсидии.

Суд апелляционной инстанции счел не имеющим правового значения факт того, что с 26 января 2018 г. в договор социального найма жилого помещения включен сын С. — Е., 2017 года рождения, а также то, что с 2019 года вместе с С. фактически проживает ее бабушка Л., приведя довод о том, что С. перестала быть нуждающейся в улучшении жилищных условий с 22 января 2016 г.

Кассационный суд общей юрисдикции, соглашаясь с выводами суда апелляционной инстанции, отклонил доводы кассационной жалобы С. о том, что суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что семья С. имеет в своем составе участника специальной военной операции (супруг С.), получившего тяжелое ранение в ходе этой операции, и отметил, что наличие в составе семьи С. такого лица не является основанием для сохранения за С. и членами ее семьи права на получение субсидии в рамках целевой подпрограммы в отсутствие нуждаемости в улучшении жилищных условий.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала приведенные выводы суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

Из нормативных положений законодательства субъекта Российской Федерации следует, что в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре разработаны и утверждены целевые программы, которые реализуются за счет средств бюджета автономного округа и направлены на улучшение жилищных условий и обеспечение жильем отдельных категорий граждан, проживающих на территории данного субъекта Российской Федерации. Среди таких граждан — граждане из числа коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающие на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, а также члены их семей, нуждающиеся в улучшении жилищных условий. Цель улучшения жилищных условий этой категории граждан — обеспечение им стабильных условий жизни на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

В целях определения нуждаемости в улучшении жилищных условий членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма признаются проживающие совместно с ним его супруг, дети и родители данного нанимателя, иные близкие родственники — родные братья и сестры, родные дедушки и бабушки, внуки.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и отказывая С. в удовлетворении иска, в отличие от суда первой инстанции, формально подошел к разрешению спора, в нарушение положений ст.ст. 67, 71, 195 ГПК РФ не учел всей совокупности обстоятельств, связанных с обеспеченностью общей площадью жилого помещения каждого члена семьи С., состоящей из 6 человек на дату издания оспариваемого приказа, менее учетной нормы, установленной в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре для признания граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий в целях предоставления субсидии.

Суд апелляционной инстанции оставил без внимания и надлежащей правовой оценки те обстоятельства, что ответчик с даты принятия решения о признании С. участником целевой подпрограммы (11 марта 2013 г.) по дату издания приказа о снятии ее с учета на получение субсидии и об исключении из списков участников этой подпрограммы (4 мая 2022 г.), т.е. более 9 лет, не осуществлял проверку документов С. (состав семьи, обеспеченность общей площадью жилого помещения на каждого члена семьи), с 2019 года ее семья

состояла из 6 человек (она, супруг, трое детей, двое из которых несовершеннолетние, и престарелая бабушка) и на каждого из членов ее семьи приходится 11,22 кв.м общей площади жилого помещения, что менее учетной нормы (12 кв.м), супруг С. является участником специальной военной операции и находится в медицинском учреждении на лечении в связи с полученным в ходе специальной военной операции тяжелым ранением.

Между тем лишение в такой ситуации С. и ее семьи права на обеспечение жилым помещением путем предоставления субсидии на приобретение или строительство жилого помещения исходя только из формального критерия обеспеченности в 2016 году семьи С. общей площадью жилого помещения на каждого члена семьи более 12 кв.м не будет отвечать целям и задачам государственной политики, направленной на улучшение жилищных условий граждан из числа коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и обеспечение им стабильных условий жизни и права на достойное существование. При подобном подходе суда апелляционной инстанции к применению норм, регулирующих спорные отношения, предоставление субсидии на приобретение или строительство жилого помещения таким гражданам, по сути, утрачивает характер меры социальной поддержки данной категории граждан, что противоречит целям социального государства, призванного создавать условия для достойной жизни граждан, и подрывает их доверие к закону и действиям государства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также признала неправомерным суждение кассационного суда общей юрисдикции о том, что наличие в составе семьи С. участника специальной военной операции, получившего тяжелое ранение в ходе этой операции, не является основанием для сохранения за С. и членами ее семьи права на получение субсидии в рамках целевой подпрограммы в отсутствие нуждаемости в улучшении жилищных условий, поскольку оно сделано без учета нормативных положений постановления Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 9 сентября 2023 г. № 450-п “О мерах по обеспечению жилыми помещениями лиц, участвующих в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской, Херсонской областей, членов их семей и внесении изменений в некоторые постановления Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры” и установленных по делу обстоятельств о нуждаемости семьи С. в улучшении жилищных условий.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда

РФ отменила апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и оставила в силе решение суда первой инстанции об удовлетворении иска.

Определение № 69-КГ24-2-К7

8. Лица, утратившие жилье в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, имеют право на получение выплаты на приобретение или строительство жилого помещения в случае отсутствия у них других пригодных для проживания жилых помещений.

Прокурор в порядке ст. 45 ГПК РФ в интересах О. и двух ее несовершеннолетних детей обратился в суд с иском к Министерству социальной защиты населения Амурской области (далее — уполномоченный орган) о признании права на получение выплаты на приобретение или строительство жилого помещения в связи с утратой единственного пригодного для проживания жилого помещения в результате чрезвычайной ситуации природного характера (наводнение), произошедшей на территории Амурской области в июне 2021 г., возложении на ответчика обязанности включить О. и ее несовершеннолетних детей в список граждан, жилые помещения которых признаны аварийными и подлежащими сносу в результате названной ситуации, и произвести О. и ее несовершеннолетним детям выплаты на приобретение или строительство жилого помещения.

В обоснование заявленных требований прокурор указывал, что принадлежащий на праве собственности О. жилой дом, в котором она с детьми зарегистрирована и проживает, был поврежден в результате чрезвычайной ситуации регионального характера и признан непригодным для проживания.

Решением уполномоченного органа О. и членам ее семьи отказано в предоставлении выплаты на приобретение или строительство жилого помещения в связи с наличием в собственности О. на день введения режима чрезвычайной ситуации иных жилых помещений.

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении иска прокурора в интересах О. и ее несовершеннолетних детей, суд первой инстанции исходил из того, что поврежденный в результате чрезвычайной ситуации природного характера принадлежащий О. жилой дом не является ее единственным местом жительства, в собственности у нее имеется иное жилое помещение площадью 8,9 кв.м. При этом суд первой инстанции полагал, что недостаточность общей площади этого жилого помещения для семьи О. не свидетельствует о его непригодности для проживания, поскольку законодательство не устанавливает минимальный размер площади другого жилого помещения, имеющегося в собственности лица, претендующего на получение

выплаты на приобретение или строительство жилого помещения, или доли в праве собственности на иное жилое помещение, пригодное для проживания.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судом кассационной инстанции решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Из положений подлежащего применению к спорным отношениям правового регулирования, в том числе Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера”, Закона Амурской области от 6 марта 1997 г. № 151-ОЗ “О защите населения и территорий области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера”, ст.ст. 15—17 ЖК РФ, следует, что выплата на приобретение или строительство жилого помещения, являясь мерой социальной поддержки для граждан, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, направлена на обеспечение жильем тех граждан, чье единственное пригодное для проживания жилое помещение было утрачено в результате такой чрезвычайной ситуации. Одним из критериев отнесения помещения — дома, квартиры, комнаты — к жилым является его пригодность для постоянного проживания граждан.

Судами первой и апелляционной инстанций нормы материального права, регламентирующие отношения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в системной взаимосвязи с нормативными положениями о понятии жилого помещения, критериях жилого помещения, пригодного для проживания, к спорным отношениям применены не были, вследствие чего не дана надлежащая правовая оценка приводимым О. доводам о том, что она с несовершеннолетними детьми проживает в подвергшемся затоплению доме, иного пригодного для проживания жилого помещения истец и ее дети не имеют, при этом комнату, находящуюся в собственности истца, площадью 8,9 кв.м невозможно использовать для проживания семьи, состоящей из трех человек, так как на одного человека приходится по 2,9 кв.м жилой площади.

Суды первой и апелляционной инстанций вопреки положениям ст.ст. 67, 71, 195 ГПК РФ не учли всей совокупности об-

стоятельств, связанных с требованиями, которым должно отвечать пригодное для проживания жилое помещение, и утратой О. единственного имеющегося у нее пригодного для проживания жилого помещения в результате чрезвычайной ситуации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также обратила внимание на недопустимость нарушения основных гарантий прав и законных интересов ребенка, предусмотренных, в частности, Конституцией Российской Федерации, Конвенцией о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации”, устанавливающих, что материнство и детство, а также семья находятся под защитой государства; дети имеют право на особую заботу и помощь, дети, живущие в исключительно трудных условиях, нуждаются в особом внимании; защита прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, выступает в качестве одного из основных направлений обеспечения прав ребенка в Российской Федерации; к детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, относятся в том числе дети — жертвы стихийных бедствий.

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении данного спора не учли, что иск в первую очередь был направлен на защиту прав несовершеннолетних детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации в связи с утратой единственного пригодного для проживания жилого помещения в результате наводнения, а отказ органа социальной защиты в предоставлении матери и ее детям выплаты на приобретение или строительство жилого помещения взамен утраченного жилого помещения нарушает права ее несовершеннолетних детей на достойный уровень жизни, который необходим для их физического и нравственного развития. Данные обстоятельства должной правовой оценки с учетом подлежащего применению правового регулирования не получили.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования ст. 379 и чч. 1—3 ст. 379⁷ ГПК РФ.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 59-КГ23-4-К9

9. Суммы региональной социальной доплаты к пенсии, излишне выплаченные органом социальной защиты населения гражданину, подлежат в установленном порядке возмещению пенсионером только в случае, если перерасход средств на выплату региональной социальной доплаты к пенсии произошел по причине представления пенсионером недостоверных сведений или несвоевременного выполнения им обязанности по информированию органа социальной защиты населения о наступлении обстоятельств, влекущих за собой прекращение выплаты или изменение ее размера.

П. обратился в суд с иском к органу социальной защиты населения о признании решения незаконным, признании действий незаконными, об обязанности произвести выплаты, возратить удержанную региональную социальную доплату к пенсии (далее также — региональная социальная доплата).

В обоснование иска П. указал, что он с 2005 года является получателем пенсии по старости и региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта. С 12 сентября 2019 г. по 14 января 2020 г. он являлся участником социологического исследования аудитории Интернета в России на основании заключенного им с АО “Медиаскоп” (далее — общество) соглашения, трудовая книжка, страховой номер индивидуального лицевого счета (СНИЛС) в общество им не предоставлялись. За участие в исследовании ему было начислено вознаграждение за 3 месяца в размере 516 руб. Заключая данное соглашение, он не предполагал, что оно будет расцениваться пенсионным органом и органом социальной защиты населения как трудоустройство и будет являться основанием для отказа ему в выплате региональной социальной доплаты к пенсии.

Между тем органом социальной защиты населения 1 сентября 2020 г. П. приостановлена выплата региональной социальной доплаты к пенсии, 23 сентября 2020 г. вынесено решение об удержании выплаченной региональной социальной доплаты за период с 1 октября 2019 г. по 14 января 2020 г. в размере 41 363,20 руб.

Это решение, а также действия органа социальной защиты населения по удержанию 20% ежемесячно из причитающейся ему к выплате региональной социальной доплаты к пенсии нарушают права П. и являются неправомерными.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований П., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что в случае, если пенсионеры осуществляют деятельность, в результате которой возникают отношения по обязательному пенсионному страхованию, то они не могут признаваться неработающими пенсионерами и право на получение доплаты к пенсии не имеют. При этом суд первой инстанции исходил из того, что отношения П. и общества вытекают именно из такой деятельности, поскольку

обществом были произведены отчисления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в адрес П.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судом кассационной инстанции решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Из подлежащих применению к отношениям сторон положений ст.ст. 12, 12¹ Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ “О государственной социальной помощи”, Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации”, ст. 29 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях”, постановления Правительства Москвы от 17 ноября 2009 г. № 1268-ПП “О региональной социальной доплате к пенсии” и других следует, что на органы социальной защиты населения возложена обязанность проводить разъяснительную работу с гражданами по вопросам реализации их прав на социальное обеспечение. При обращении пенсионера в такой орган по вопросу предоставления ему меры социальной поддержки в виде региональной социальной доплаты к пенсии он имеет право на получение от этого органа разъяснений о его правах и обязанностях и порядке их реализации, и этому праву корреспондирует обязанность органа социальной защиты населения в целях правовой и социальной защиты указанного лица предоставить ему всю необходимую информацию, проверить документы, приложенные пенсионером к заявлению, и сведения, содержащиеся в них, для оценки права пенсионера на данную меру социальной поддержки. В случае невыполнения органом социальной защиты населения названной обязанности, приведшего к образованию переплаты региональной социальной доплаты к пенсии, сумма такой переплаты не может быть удержана с пенсионера.

Судами первой и апелляционной инстанций неправильно применены нормы права, регулирующие порядок назначения и выплаты неработающим пенсионерам региональной социальной доплаты к пенсии и определяющие необходимые действия органа социальной защиты населения при назначении пенсионеру региональной социальной доплаты к пенсии или при поступлении сведений, свидетельствующих об утрате пенсионером права на получение данной доплаты, вследствие этого обстоятельства, имеющие значение для дела и, соответст-

венно, влияющие на его исход, судами первой и апелляционной инстанций не установлены.

По данному делу юридически значимым с учетом исковых требований П., возражений ответчика относительно иска и подлежащих применению норм материального права являлось установление, в частности, следующих обстоятельств: имела ли место со стороны П. недобросовестность при получении им в период с 1 октября 2019 г. по 14 января 2020 г. региональной социальной доплаты к пенсии, назначенной ему как неработающему пенсионеру; разъяснено ли было пенсионеру П. органом социальной защиты населения, какая деятельность относится к деятельности, при осуществлении которой возникают отношения по обязательному пенсионному страхованию, пенсионер перестает признаваться неработающим и утрачивает право на получение региональной социальной доплаты к пенсии; принимал ли П. письменное обязательство об информировании органа социальной защиты населения о наступлении обстоятельств, влекущих за собой прекращение выплаты или изменение размера региональной социальной доплаты; была ли осуществлена ответчиком — органом социальной защиты населения — проверка фактов, влияющих на продолжение выплаты региональной социальной доплаты П.

Однако эти обстоятельства суды первой и апелляционной инстанций не устанавливали, в нарушение ч. 2 ст. 56 и ч. 1 ст. 196 ГПК РФ не определили их в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, они не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, не получили правовой оценки суда.

Поскольку добросовестность гражданина (в данном случае П.) при разрешении его исковых требований о признании незаконным решения органа социальной защиты населения об удержании с него переплаты региональной социальной доплаты к пенсии презюмируется, судебным инстанциям следовало применить к спорным отношениям подп. 3 ст. 1109 ГК РФ и возложить бремя доказывания недобросовестности П. при получении им региональной социальной доплаты к пенсии на ответчика — орган социальной защиты населения, принявший решение об удержании с него излишне выплаченных сумм региональной социальной доплаты к пенсии за период с 1 октября 2019 г. по 14 января 2020 г.

Лишение истца ежемесячной доплаты к пенсии в размере 11 984,02 руб. при получении им по соглашению об участии в исследовании в месяц 149 руб. (с вычетом налога) лишь по причине предоставления обществом в пенсионный орган сведений об истце как о застрахованном лице не является справедливым и привело к тому, что размер материального обеспечения истца составил

меньше величины прожиточного минимума для пенсионера в г. Москве, что является недопустимым, противоречит политике Российской Федерации как социального государства и целям пенсионного обеспечения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также указала на допущенный судебными инстанциями формальный подход к рассмотрению данного дела, в котором разрешался спор о правомерности удержания органом социальной защиты с П. — неработающего пенсионера — значительной по размеру денежной суммы.

Суд кассационной инстанции, проверяя по кассационной жалобе П. законность судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ24-24-К2

10. Неинформирование органом социальной защиты населения гражданина, являющегося пенсионером, о наличии у него права на получение ежемесячной социальной выплаты, гарантированной региональным законодательством, приведшее к несвоевременному обращению гражданина за ее назначением, дает ему право на обращение в суд за возмещением неполученных денежных сумм данной меры социальной поддержки на основании ст. 16 ГК РФ.

С. 21 января 2022 г. обратилась в суд с иском к пенсионному органу, администрации района г. Санкт-Петербурга (далее — администрация района, администрация) о взыскании с ответчиков в ее пользу неполученной ежемесячной региональной социальной выплаты за период с февраля 2014 г. по апрель 2021 г. включительно в размере 196 150,20 руб.

В обоснование исковых требований С., 1959 года рождения, ссылаясь на то, что является инвалидом III группы, проживает одна, родственников, которые могли бы ей помочь разобраться с пенсионными вопросами, не имеет, начиная с даты назначения ей страховой пенсии по старости (23 января 2014 г.) и до мая 2021 г. она не была проинформирована сотрудниками пенсионного органа и отдела социальной защиты населения администрации района о наличии у нее права на получение ежемесячной социальной выплаты. Только в мае 2021 г. С. была извещена по телефону сотрудником отдела социальной защиты населения администрации района о наличии у нее права на получение ежемесячной социальной выплаты,

после чего она обратилась в администрацию с соответствующим заявлением и ежемесячная социальная выплата была ей назначена с 2 июня 2021 г.

Отказывая С. в удовлетворении исковых требований к администрации района, суд первой инстанции исходил из того, что назначение ежемесячной социальной выплаты носит заявительный характер, а С. подала заявление о предоставлении ей ежемесячной социальной выплаты в администрацию района только 29 мая 2021 г., доказательств ее обращения с таким заявлением в орган социальной защиты населения ранее этой даты не имеется. Кроме того, суд указал на то, что пенсионный орган является ненадлежащим ответчиком по данному делу.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции не установил нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального права или норм процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, проверяя законность судебных постановлений, признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделанными с существенным нарушением норм процессуального права.

Социальная защита, включая социальное обеспечение, находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ “О государственной социальной помощи” предусмотрены социальные доплаты к пенсии, в частности федеральная социальная доплата к пенсии, а также региональная социальная доплата к пенсии пенсионеров, уровень материального обеспечения которых ниже установленного законом.

Органы государственной власти субъекта Российской Федерации, в свою очередь, вправе устанавливать за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан, в том числе для граждан пожилого возраста и инвалидов. Одной из дополнительных мер социальной поддержки отдельных категорий граждан в г. Санкт-Петербурге, финансируемой за счет бюджета этого субъекта Российской Федерации, является ежемесячная социальная выплата, предоставляемая пенсионерам из числа граждан, достигших возраста 60 лет и старше, неработающих женщин в возрасте от 55 до 60 лет, инвалидов I или II группы.

Законодательством г. Санкт-Петербурга предусмотрен заявительный порядок предоставления ежемесячной социальной вы-

платы, т.е. решение о назначении или об отказе в назначении этой выплаты администрацией района принимается на основании соответствующего заявления гражданина, претендующего на получение названной меры социальной поддержки.

Статьей 16 ГК РФ определено, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

Из положений нормативных правовых актов г. Санкт-Петербурга, регламентирующих предоставление ежемесячной социальной выплаты, следует, что организация работы по назначению данной меры социальной поддержки пенсионерам, достигшим возраста 60 лет и старше, неработающим женщинам в возрасте от 55 до 60 лет и инвалидам I и II группы Правительством Санкт-Петербурга возложена на администрацию района города, одной из основных задач которой является обеспечение проведения на территории района политики г. Санкт-Петербурга в сфере социальной защиты населения. При выполнении функции по предоставлению меры социальной поддержки в виде ежемесячной социальной выплаты указанным категориям пенсионеров администрация района наделяется полномочиями по межведомственному взаимодействию с органами государственной власти и организациями, в том числе с пенсионным органом, обладающим информацией о назначенных и получаемых гражданами в г. Санкт-Петербурге пенсиях и их размерах, что соотносится с нормами федерального законодательства, закрепляющими обмен информацией между пенсионными органами и уполномоченными органами исполнительной власти в целях установления пенсионерам федеральных и региональных социальных доплат к пенсии.

Организация администрацией района работы по назначению ежемесячной социальной выплаты пенсионерам предполагает также проведение среди граждан разъяснительной работы, информирование граждан о мерах социальной поддержки, на которые они имеют право.

Заявительный порядок предоставления пенсионерам ежемесячной социальной выплаты, установленный региональным законодательством, не освобождает администрацию района от работы по информированию граждан, которые в силу возраста или по состоянию здоровья нуждаются в получении материальной поддержки со стороны госу-

дарства, о наличии у них права на данную дополнительную меру социальной поддержки и порядке его реализации. Для обращения в администрацию района с заявлением о предоставлении ежемесячной социальной выплаты гражданин должен знать о своем праве на получение этой меры социальной поддержки.

В случае неинформирования администрацией района гражданина, являющегося пенсионером, о наличии у него права на меры социальной поддержки, приведшего к несвоевременному обращению гражданина с заявлением о назначении ему ежемесячной социальной выплаты, данный гражданин вправе обратиться в суд за возмещением неполученных денежных сумм социальной поддержки на основании ст. 16 ГК РФ.

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении исковых требований С. о взыскании с администрации района неполученной ежемесячной социальной выплаты за спорный период нормативные положения, регулирующие спорные отношения, не применили во взаимосвязи с нормами Конституции Российской Федерации о целях социальной политики государства, его обязанности заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности (ст. 7, п. “ж” ч. 1 ст. 72, чч. 1, 2, 5 ст. 76), а также с нормами Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ “О государственной социальной помощи” (ст. 12¹).

Судебные инстанции не учли, что для обращения в администрацию района с заявлением о предоставлении ежемесячной социальной выплаты С. должна была знать об имеющемся у нее праве на предоставление такой меры социальной поддержки. Однако администрация района в ходе рассмотрения дела в судах первой и апелляционной инстанций не представила данных о том, что С., которая приобрела статус пенсионера 23 января 2014 г., была своевременно проинформирована сотрудниками администрации о наличии у нее права на предоставление ежемесячной социальной выплаты, что было оставлено без внимания судебными инстанциями и повлекло неправильное применение норм материального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также отметила, что не основан на нормах права, подлежащих применению по данному делу, и вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что пенсионный орган не является надлежащим ответчиком по делу, поскольку гражданин при обращении в пенсионный орган по вопросам пенсионного обеспечения или в связи с иными жизненными событиями имеет право на получение от данного органа информации о его правах, в связи с чем пенсионный орган при обращении гражданина за назначением страховой пенсии по старости должен был разъяснить ему в том числе право на федеральные, регио-

нальные социальные доплаты к пенсии и дополнительные меры социальной поддержки.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций незаконными, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 78-КГ24-9-КЗ

11. При разрешении спора о праве членов семьи сотрудника полиции на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения уровень обеспеченности семьи сотрудника общей площадью жилого помещения определяется исходя из норм Жилищного кодекса РФ о составе членов семьи собственника жилого помещения или нанимателя жилого помещения по договору социального найма.

С., действующая в своих интересах и в интересах двоих несовершеннолетних детей, и М. обратились 30 сентября 2022 г. в суд с иском к управлению Росгвардии о восстановлении на учете очередников на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее также — единовременная социальная выплата).

В обоснование требований истцы указывали, что С. являлась супругой майора полиции В., М. — его сыном, кроме того, у С. и В. имелось еще двое детей, 2012 года рождения.

Майор полиции В. с 2014 года состоял на учете на получение единовременной социальной выплаты с семьей из пяти человек (он, супруга С., сын М., 1997 года рождения, и двое несовершеннолетних детей, 2012 года рождения). На дату постановки на учет обеспеченность семьи сотрудника полиции жильем на одного члена семьи из пяти человек составила 12,46 кв.м.

5 декабря 2021 г. В. умер.

Решением жилищной комиссии от 14 апреля 2022 г. майор полиции В. с семьей из четырех человек (В., супруга С. и двое несовершеннолетних детей) снят с учета очередников в связи с утратой оснований для получения единовременной социальной выплаты — обеспеченность жилой площадью семьи сотрудника полиции из четырех человек более 15 кв.м на одного члена семьи. Основанием для принятия такого решения стало достижение М. (сыном В.) 23-летнего возраста, что, по мнению комиссии, позволило не учитывать М. при расчете уровня обеспеченности жилой площадью членов семьи сотрудника полиции В. в целях предоставления единовременной социальной выплаты.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований С., действующей в своих интересах и в интересах несовершеннолетних детей, а также исковых требований М. о признании незаконным решения жилищной комиссии от 14 апреля

2022 г. о снятии с учета очередников на получение единовременной социальной выплаты семьи майора полиции В. и о восстановлении на таком учете, суд первой инстанции исходил из того, что поскольку сын умершего сотрудника М., 1997 года рождения, достиг 23-летнего возраста, то он как член семьи сотрудника утратил право состоять на учете на получение единовременной социальной выплаты, обеспеченность семьи сотрудника из четырех человек жильем составила более установленной нормы — 15 кв.м на одного члена семьи, в связи с чем утрачены основания для получения истцами единовременной социальной выплаты.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции не установил нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм права, дополнительно отметив, что нормы Жилищного кодекса РФ, относящиеся к членам семьи собственника жилого помещения детей независимо от возраста (ст. 31), не подлежат применению к спорным правоотношениям, поскольку в данном случае эти отношения регулирует Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ “О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ), не имеющих такой нормы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права ввиду следующего.

В соответствии с законодательством Российской Федерации на лиц, проходящих службу в Росгвардии и имеющих специальные звания полиции, граждан, уволенных со службы в Росгвардии, членов их семей распространяются в том числе положения Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ.

Условия, при которых сотруднику предоставляется единовременная социальная выплата, предусмотрены в ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ, в их числе обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее 15 кв.м.

Единовременная социальная выплата предоставляется сотруднику с учетом совместно проживающих с ним членов его семьи (ч. 4 ст. 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ).

В соответствии с ч. 2 ст. 1 названного Федерального закона членами семьи сотрудника считаются: супруга (супруг), состоящие в зарегистрированном браке с со-

трудником; супруга (супруг), состоявшие в зарегистрированном браке с погибшим (умершим) сотрудником на день его гибели (смерти); несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения.

Согласно п. 1 ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ право на социальные гарантии, установленные названным Федеральным законом, сохраняется за членами семьи сотрудника в случае гибели (смерти) сотрудника вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел.

Из нормативных положений Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ и Правил предоставления единовременной социальной выплаты¹ следует, что при определении уровня обеспеченности жилой площадью сотрудника в целях предоставления единовременной социальной выплаты учету подлежит суммарная площадь всех жилых помещений, занимаемых сотрудником и (или) проживающими совместно с ним членами его семьи по договору социального найма или в силу правоотношений собственности, вне зависимости от того, кто является нанимателем или собственником жилого помещения.

Социальная гарантия в виде единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сохраняется за членами семьи сотрудника и в случае его смерти по причинам, названным в Законе. Члены семьи погибшего (умершего) сотрудника имеют право на получение единовременной социальной выплаты при наличии у погибшего (умершего) сотрудника условий, предусмотренных ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ, т.е. при нуждаемости в жилом помещении.

Правила предоставления единовременной социальной выплаты содержат исчерпывающий перечень оснований, при наличии которых сотрудник снимается с учета для получения единовременной социальной выплаты. Среди них не имеется такого основания, как достижение возраста 23 лет детьми сотрудника, проживающими совместно с ним и стоящими на учете для получения единовременной социальной выплаты в качестве членов его семьи.

Вместе с тем по смыслу положений ч. 2 ст. 1 и ч. 4 ст. 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ в их взаимосвязи достигшие возраста 23 лет дети сотрудника, проживающие совместно с ним и стоящие на учете для получения единовременной социальной выплаты в числе членов его семьи (за исключением детей старше 18 лет, ставших инвалидами до достижения ими возраста 18 лет), не учитываются в качестве членов семьи сотрудника при определении размера предоставляемой сотруднику единовременной социальной выплаты.

Суды первой и апелляционной инстанций, делая вывод о том, что по достижении возраста 23 лет М. как член семьи своего отца — сотрудника полиции В. — утратил право стоять на учете для получения единовременной социальной выплаты и включаться в состав семьи сотрудника полиции В. в целях определения уровня обеспеченности его семьи общей площадью жилого помещения, не учли нормы жилищного законодательства Российской Федерации (ст.ст. 31, 51, 69 ЖК РФ) об основаниях признания граждан нуждающимися в жилых помещениях и о круге лиц, относящихся к членам семьи собственника жилого помещения или нанимателя жилого помещения по договору социального найма, а также не учли правовую позицию Конституционного Суда РФ, касающуюся вопроса применения норм Жилищного кодекса РФ при реализации сотрудником или членами его семьи права на предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (Определения от 28 июня 2022 г. № 1586-О, от 30 марта 2023 г. № 622-О и др.).

Судами не принято во внимание, что уровень обеспеченности семьи сотрудника полиции (в данном случае В.) следовало определять не только исходя из норм ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ о лицах, относящихся к членам семьи сотрудника, но и норм жилищного законодательства о том, кто относится к членам семьи собственника жилого помещения или нанимателя жилого помещения по договору социального найма, не содержащих требований к возрасту детей, относящихся к членам семьи собственника жилого помещения или нанимателя жилого помещения по договору социального найма, при оценке уровня обеспеченности семьи общей площадью жилого помещения.

В результате нарушения норм права, регламентирующих спорные отношения, суды первой и апелляционной инстанций при рассмотрении исковых требований истцов не дали правовой оценки тому обстоятельству, что состав семьи сотрудника полиции В. и обеспеченность его семьи жильем с даты постановки на учет очередников на получение единовременной социальной выплаты (3 июля 2014 г.) и до дня принятия решения

¹Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1223 утверждены Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты.

жилищной комиссией о снятии семьи В. с данного учета (14 апреля 2022 г.) не изменились.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что судебные постановления судов первой, апелляционной инстанций и кассационного суда общей юрисдикции приняты с существенными нарушениями норм материального права, вследствие чего отменила указанные судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ24-57-К2

12. Отсутствие у работодателя, не относящегося к бюджетной сфере, в коллективном договоре, локальных нормативных актах, а также в трудовом договоре, заключенном с работником, осуществляющим трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, размера, условий и порядка компенсации ему расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно не может служить основанием для лишения этого работника установленной законом гарантии по выплате данной компенсации.

В указанном случае размер, условия и порядок выплаты компенсации определяются работодателем на основе баланса интересов сторон трудового договора с учетом целевого назначения такой компенсации, а также принимая во внимание реальные экономические возможности работодателя. Полный отказ в компенсации работнику его расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно или неоправданное занижение размера такой компенсации недопустимы.

Л. 16 марта 2022 г. обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю Н. о взыскании компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно, компенсации за задержку выплат, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований Л. указала, что работала у индивидуального предпринимателя Н. на основании трудового договора в качестве продавца-консультанта, местом ее работы являлся магазин, расположенный в районе Крайнего Севера (г. Петропавловск-Камчатский). 8 октября 2021 г. трудовой договор с Л. был прекращен по п. 1 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (по соглашению сторон).

В период работы у индивидуального предпринимателя оплата стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно Л. работодателем не осуществлялась. На заявление от 22 октября 2021 г. о выплате ей такой компенсации Л. ответа от работодателя не получила.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Л. о взыскании с индивидуального предпринимателя Н. компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза

за багажа к месту использования отпуска и обратно за 2021 год, суд первой инстанции сослался на ст.ст. 6, 8, 313, 325 ТК РФ и исходил из того, что льготы и компенсации для лиц, проживающих и работающих в районах Крайнего Севера, являются обеспечиваемыми государством гарантиями работникам независимо от того, с какими работодателями они состоят в трудовых отношениях, уровень этих гарантий и компенсаций установлен федеральным законом и не может быть снижен в зависимости от условий финансового обеспечения деятельности работодателей различных организационных форм. Локальные акты индивидуального предпринимателя Н., не предусматривающие компенсацию работникам расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно, ухудшают права и гарантии Л., установленные трудовым законодательством, и такие акты для регулирования спорного правоотношения применяться не могут, ввиду чего взыскал с индивидуального предпринимателя Н. в пользу Л. задолженность по оплате стоимости проезда к месту проведения отпуска и обратно в сумме 193 486,60 руб., компенсацию за задержку выплаты в размере 47 997,56 руб., компенсацию морального вреда в размере 35 000 руб. В удовлетворении остальной части исковых требований судом первой инстанции было отказано.

Суд апелляционной инстанции с изложенными выводами суда первой инстанции согласился, изменив решение в части размера взысканной с индивидуального предпринимателя Н. компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту проведения отпуска и обратно, компенсации морального вреда, уменьшив их до 132 090 руб. и до 10 000 руб. соответственно. Решение суда первой инстанции в части взыскания с индивидуального предпринимателя Н. компенсации за задержку выплаты судом апелляционной инстанции отменено.

Кассационный суд общей юрисдикции решение суда первой инстанции в части, оставленной без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций, а также кассационного суда общей юрисдикции о взыскании с индивидуального предпринимателя Н. в пользу Л. компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно и компенсации морального вреда основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения,

а также сделанными с существенным нарушением норм процессуального права.

Частью 8 ст. 325 ТК РФ предусмотрено, что размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в государственных органах субъектов Российской Федерации, территориальных фондах обязательного медицинского страхования, государственных учреждениях субъектов Российской Федерации, устанавливаются нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в органах местного самоуправления, муниципальных учреждениях, — нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, у других работодателей, — коллективными договорами, локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения выборных органов первичных профсоюзных организаций, трудовыми договорами.

Из нормативных положений ст.ст. 313, 325 ТК РФ и правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 9 февраля 2012 г. № 2-П¹, следует, что гарантия в виде компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно предоставляется работникам, осуществляющим трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Предоставление такой гарантии работникам, осуществляющим трудовую деятельность в названных районах, имеющей целью обеспечение этим работникам возможности полноценного отдыха и оздоровления, не зависит от формы собственности и источника финансирования работодателя (финансируемых из бюджета или не относящихся к бюджетной сфере). При этом размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату проезда и провоза багажа к месту проведения отпуска и обратно для лиц, работающих в организациях, финансируемых из федерального бюджета, бюджета субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, устанавливаются соответственно федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами. Для работников, осуществляющих трудовую деятельность у других работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно определяются в коллективных договорах, локальных нормативных актах, в трудовых договорах.

Отсутствие у работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, в коллективном договоре, локальных нормативных актах, а также в трудовом договоре, заключенном с работником, размера, условий и порядка компенсации работникам расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно не может служить основанием для лишения работника, осуществляющего трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях у работодателя, не относящегося к бюджетной сфере и осуществляющего предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность, установленной законом гарантии по компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно.

При наличии спора между работником и работодателем, не относящимся к бюджетной сфере, о компенсации работнику расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно в ситуации, когда размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно коллективным договором, локальными нормативными актами или трудовым договором не определены, вопрос о размере, условиях и порядке выплаты названной компенсации необходимо решать с учетом конкретных обстоятельств дела, принимая во внимание, в частности, реальные экономические возможности работодателя, не относящегося к бюджетной сфере, продолжительность работы работника у такого работодателя, размер заработной платы работника, размер расходов работника на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно и другие значимые обстоятельства, соблюдая при этом баланс интересов работника, осуществляющего трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и его работодателя, не относящегося к бюджетной сфере и осуществляющего предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность на свой страх и риск. При этом полный отказ от компенсации работнику его расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно или неоправданное занижение такой компенсации недопустимы.

Суды первой и апелляционной инстанций положения ст. 325 ТК РФ к спорным отношениям применили неправильно, правовую позицию, содержащуюся в Постановлении Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 2-П, о необходимости соблюдения баланса интересов работников, осуществляющих трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и их работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, при опреде-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 2-П “По делу о проверке конституционности положений части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Г. Труновой”.

лении работнику компенсации расходов на оплату проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно не учли, вследствие этого не установили юридически значимые обстоятельства для правильного разрешения спора по иску Л. к индивидуальному предпринимателю Н. о взыскании компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно и производных от этого иска требований.

Между тем в судах первой и апелляционной инстанций ответчиком — индивидуальным предпринимателем Н. приводились доводы о том, что Л. работала у нее менее одного года (с 14 декабря 2020 г. по 8 ноября 2021 г.), о выплате компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту проведения отпуска и обратно в период трудовых отношений не заявляла, какие-либо документы об оплате проезда работодателю не предъявляла, обратившись за выплатой такой компенсации только после увольнения с работы.

Этим доводам индивидуального предпринимателя Н., имеющим значение для правильного разрешения спора, в нарушение положений ст.ст. 67, 71, 194—198, 329 ГПК РФ какой-либо правовой оценки судами первой и апелляционной инстанций не дано, интересы работодателя при разрешении данного спора судами первой и апелляционной инстанций не были приняты во внимание, что привело к нарушению баланса интересов работника Л. при реализации ею гарантий, установленных ст. 325 ТК РФ, и работодателя — индивидуального предпринимателя Н., осуществляющего предпринимательскую деятельность на свой страх и риск.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также отметила, что, определяя размер подлежащей взысканию в пользу Л. с индивидуального предпринимателя Н. компенсации расходов на оплату проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в федеральных государственных органах, государственных внебюджетных фондах Российской Федерации, федеральных государственных учреждений, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и членов их семей, утвержденным постановлением Правительства РФ от 12 июня 2008 г. № 455, что нельзя признать правомерным. Названные Правила регулируют размер, порядок и условия выплаты такой компенсации работникам государственных органов и учреждений, т.е. работникам организаций, относящихся к бюджетной сфере.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 60-КГ23-4-К9

Процессуальные вопросы

13. В случае участия гражданина, являющегося стороной по делу, в специальной военной операции, если он не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие, суд, в том числе кассационный суд общей юрисдикции, обязан приостановить производство по делу.

Общество обратилось в суд с иском к К. о возмещении ущерба, указав, что в дорожно-транспортном происшествии по вине К. был поврежден принадлежащий истцу автомобиль, в связи с чем истец просил взыскать с К. как с причинителя вреда разницу в сумме 1 136 100 руб. между страховым возмещением, выплаченным страховщиком, и фактическим размером ущерба, а также расходы на услуги эвакуатора в размере 3800 руб.

К. с требованиями истца не согласился, оспаривая свою вину в дорожно-транспортном происшествии.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 25 января 2021 г. произошло дорожно-транспортное происшествие с участием 3 автомобилей, включая автомобиль под управлением К., в результате которого поврежден автомобиль, принадлежащий обществу.

Страховщик выплатил обществу страховое возмещение по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в порядке прямого возмещения убытков в размере 400 000 руб.

Посчитав сумму страхового возмещения недостаточной для полного возмещения ущерба, общество обратилось в суд с иском к К. как причинителю вреда о взыскании разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Решением суда исковые требования удовлетворены.

Изменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции признал обоюдную вину водителя К. и водителя автомобиля, принадлежащего обществу, определив степень вины водителя К. в 70%, а другого водителя — в 30%.

Не согласившись с указанными выше судебными актами, 25 мая 2023 г. К. обратился с кассационной жалобой в кассационный суд общей юрисдикции. 25 и 29 июня 2023 г. от его представителей поступили ходатайства о приостановлении производства по делу в связи с участием К. в специальной военной операции. К данным ходатайствам была приложена справка управления Росгвардии по субъекту Российской Федерации, в кото-

рой указано, что с 19 июня 2023 г. К. принимает участие в проводимой Российской Федерацией специальной военной операции.

Кассационный суд общей юрисдикции рассмотрел кассационную жалобу К. по существу без приостановления производства по делу, оставив апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала постановление кассационного суда общей юрисдикции вынесенным с нарушением норм процессуального права, отменила его и направила дело на новое кассационное рассмотрение в тот же кассационный суд общей юрисдикции, указав следующее.

В соответствии с абз. 4 ст. 215 ГПК РФ в редакции, действовавшей на момент вынесения кассационного определения¹, суд обязан приостановить производство по делу в случае участия гражданина, являющегося стороной в деле, в боевых действиях в составе Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, в проведении контртеррористической операции, призыва его на военную службу по мобилизации, заключения им контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, выполнения им задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта, если такой гражданин не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие.

В абз. 10 п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 17 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции” разъяснено, что в соответствии с главой 14¹ ГПК РФ в кассационном суде общей юрисдикции применяются общие нормы о приостановлении и прекращении производства по делу, предусмотренные главами 17 и 18 этого Кодекса.

Из приведенной нормы процессуального права и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что при участии гражданина, являющегося стороной в деле, в боевых действиях в составе Вооруженных Сил РФ, а также в иных перечисленных выше случаях суд, в том числе кассационный суд общей юрисдикции, обязан приостановить производство по делу, если только этот гражданин не заявит ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие.

По данному делу К. не только не заявлял такого ходатайства, но и через своих представителей ходатайствовал о приостановлении производства по делу в связи с его участием в специальной военной операции, выразив явное намерение лично участвовать в рассмотрении его кассационной жалобы.

При наличии данного ходатайства отказ суда в приостановлении производства мог повлиять на вынесение по делу законного судебного постановления.

Определение № 51-КГ24-1-К8

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Применение законодательства о юридических лицах

14. Сторона договора не вправе ссылаться на последующее одобрение сделки при ее исполнении, если она действовала недобросовестно, зная о заключении договора тем же представителем при отсутствии полномочий на совершение сделки.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском о признании недействительными договоров купли-продажи земельных участков и применении последствий недействительности, ссылаясь на их заключение представителем в ущерб интересам общества (представляемого).

Суд первой инстанции удовлетворил иск на основании п. 2 ст. 174 ГК РФ, указав, что договоры купли-продажи земельных участков заключены представителем общества с превышением полномочий в ущерб интересам юридического лица.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Суды исходили из того, что оспоренные сделки были одобрены представителем истца при заключении в последующем соглашения о зачете встречных требований, возникших из договоров купли-продажи земельных участков и иных сделок, что в силу п. 5 ст. 166 ГК РФ влечет за собой невозможность истца ссылаться на недействительность данных договоров.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции, по следующим основаниям.

Согласно пп. 3, 4 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

¹Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 639-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” абз. 4 ст. 215 ГПК РФ после слов “возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации” дополнен словами “или войска национальной гвардии Российской Федерации” (п. 1 ст. 16).

Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ).

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции сослался на противоречивость поведения истца, которая состояла в том, что истец в лице законного представителя, подписав соглашение о зачете требований, одобрил заключенные ранее сделки. С таким мотивом отказа в удовлетворении иска согласился арбитражный суд кассационной инстанции.

Однако при применении п. 5 ст. 166 ГК РФ оценке подлежит добросовестность обеих сторон сделки. Эта норма защищает добросовестную сторону, поэтому подлежит применению тогда, когда доверие лица, вызванное поведением другой стороны, может быть признано разумным (оправданным).

В данном случае заключение соглашения о зачете не может расцениваться как поведение, подтверждающее действительность сделки по отчуждению имущества, поскольку названное соглашение заключено тем же представителем истца, что и оспариваемые договоры купли-продажи; при этом осведомленность ответчика об отсутствии у представителя права отчуждать недвижимое имущество без согласия участника общества не опровергается лицами, участвующими в деле. Отчуждение имущества по существенно заниженной цене и к тому же в пользу аффилированного лица не может не создавать разумных сомнений в том, что покупатель действовал добросовестно.

В свете изложенного покупатель был не вправе ссылаться на свою добросовестность, поскольку он сам не имел законных (правомерных) ожиданий действительности заключенных сделок, вызванных действиями представителя продавца.

Определение № 301-ЭС24-12858

15. При наличии сговора либо иных совместных действий между лицом, действующим от имени юридического лица, и другой стороной сделки факт причиненного договором ущерба является достаточным основанием для признания его недействительным в соответствии с п. 2 ст. 174 ГК РФ вне зависимости от существенности причиненного ущерба.

Акционерное общество (далее также — общество), единственным участником которого являлось муниципальное образование, заключило с индивидуальным предпринимателем договор купли-продажи объектов недвижимого имущества, а на следующий день приняло их от предпринимателя по договору аренды.

Считая, что указанный договор купли-продажи совершен в ущерб интересам

общества, администрация муниципального образования (далее — администрация) обратилась в арбитражный суд с иском о признании его недействительным на основании п. 2 ст. 174 ГК РФ.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, отказал в удовлетворении требования. Суды исходили из того, что причиненный обществу ущерб не являлся существенным, поскольку занижение стоимости имущества при его отчуждении составило 24,57%.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Из взаимосвязанных положений абз. 6 п. 1 ст. 65², п. 2 ст. 174 ГК РФ и разъяснений, содержащихся в п. 93 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, следует, что участник корпорации, в том числе акционер, вправе оспорить сделку, совершенную лицом, уполномоченным на совершение сделок от имени юридического лица, в частности лицом, которому доверено управление текущей деятельностью юридического лица (руководителем общества), если руководитель или иной представитель действовал в условиях конфликта интересов — к собственной выгоде или к выгоде третьих лиц.

Невыгодный для корпорации характер сделки, совершенной руководителем общества или иным представителем в условиях конфликта интересов (возникновение убытков у общества), предполагается, пока иное не будет доказано ответчиком, который должен подтвердить, что конфликт интересов не повлиял на совершение сделок и определение их условий.

Оценивая наличие сговора представителя с другой стороной сделки, направленного на причинение ущерба представляемому, суд не должен предъявлять чрезмерные требования к доказыванию факта сговора, который, как правило, носит скрытый характер и, соответственно, лишь в отдельных случаях может быть подтвержден прямыми (письменными) доказательствами, например приговором суда по уголовному делу.

При доказывании факта сговора для целей применения п. 2 ст. 174 ГК РФ судом должна приниматься во внимание совокупность косвенных доказательств, в том числе учитываться аффилированность представителя с другой стороной сделки и (или) стоящим за ней контролирующим лицом, включая имеющиеся между ними родственные или иные личные, корпоративные связи.

При рассмотрении данного дела администрация последовательно указывала, что в

результате заключения оспариваемого договора акционерное общество лишилось производственно-складского комплекса, который обеспечивал отдельное направление его деятельности — строительство социально значимых объектов, без получения равноценного встречного предоставления. Для продолжения деятельности общество было вынуждено арендовать у покупателя указанный производственно-складской комплекс.

Доводы администрации о наличии аффилированности между покупателем и продавцом недвижимости и возможного сговора между руководителем акционерного общества, покупателем недвижимости и лицом, контролирующим покупателя недвижимости, не получили надлежащей оценки в судебных актах.

Кроме того, отчуждение недвижимого имущества, необходимого продавцу для выполнения своих уставных задач, с последующей передачей этого же имущества в аренду продавцу может расцениваться как недобросовестное поведение (злоупотребление правом) лиц, участвующих в заключении сделки.

При обстоятельствах, когда судом установлено, что единоличный исполнительный орган продавца при заключении договора купли-продажи действовал явно в ущерб последнему, а покупатель воспользовался этой ситуацией, в результате чего продавец утратил возможность использовать имущество, необходимое ему для осуществления основной деятельности, соответствующая сделка признается недействительной.

Суды ограничились ссылкой на то, что причиненный акционерному обществу ущерб не являлся существенным, поскольку занижение стоимости имущества при его отчуждении составило 24,57%, т.е. не являлось многократным. Однако такие выводы судов не могут быть признаны правомерными, поскольку в силу указанных положений п. 2 ст. 174 ГК РФ и разъяснений при наличии сговора между лицами, участвовавшими в заключении договора, или при совершении ими иных совместных действий сам факт причиненного сделкой ущерба является достаточным основанием для признания ее недействительной вне зависимости от существенности причиненного ущерба.

Определение № 306-ЭС24-6321

16. При установлении действительной стоимости доли участника учитываются не только стоимость активов общества, но и имущественные потери, которые объективно возникли в деятельности общества до момента направления участником требования о выкупе доли.

В связи с наличием запрета на отчуждение доли в уставном капитале общества третьим лицам участник общества обратился к обществу с требованием о выкупе принадлежащей ему доли в размере 33,33% и выплате ее стоимости, которая согласно отчету об оценке составила 35 000 000 руб.

Общество, оценив стоимость доли, выплатило участнику 4 500 000 руб.

Не согласившись с размером выплаченной ему действительной стоимости доли, бывший участник общества обратился в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, удовлетворил требование истца. При определении действительной стоимости доли суды руководствовались заключением судебной экспертизы.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Участники хозяйственного общества несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей (п. 1 ст. 87 ГК РФ, п. 1 ст. 2 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью”), и это правило действует на всех этапах существования юридического лица, в том числе при его ликвидации или выходе участника из его состава, при принудительном выкупе доли обществом по требованию участника.

Следовательно, при выплате действительной стоимости доли выходящему участнику на последнего пропорционально его доле участия должны быть распределены, в том числе путем учета при определении размера выплаты, те имущественные потери, которые объективно возникли в деятельности хозяйственного общества до момента направления участником требования о выкупе доли.

Отступление от принципа пропорционального распределения расходов и убытков между участниками общего дела, в том числе в случае его ведения через форму общества с ограниченной ответственностью, в соответствии со ст. 1046 ГК РФ возможно только по соглашению участников, например путем установления соответствующих правил в уставе общества, но такое соглашение во всяком случае не может приводить к полному освобождению кого-либо из участников от обязанности по покрытию общих расходов или убытков общества.

Общество, возражая против требований истца, последовательно обращало внимание судов на то, что до направления участником требования о принудительном выкупе его доли произошел пожар в здании, которое являлось основным имущественным активом общества, в результате чего им понесены значительные имущественные потери, что не было учтено при оценке стоимости доли на дату до возникновения пожара.

Определение действительной стоимости доли участника без принятия во внимание

вышеназванных обстоятельств приводит к распределению убытков исключительно между теми лицами, которые сохранили свой статус участника. Однако истец как действующий участник общества на момент пожара также должен был принимать участие в покрытии расходов, возникших при ведении общего дела.

Поскольку действительная стоимость доли определена судами без учета имущественных потерь, в компенсации которых должен был участвовать истец, и вместо сопоставления объективных данных об обществе, о его активах и об обязательствах с содержанием заключения экспертов и сделанных ими выводов суды ограничились констатацией того, что экспертиза проведена в установленном порядке, дело направлено на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС24-14865

Защита вещных прав

17. При регистрации перехода права собственности на долю в праве общей долевой собственности на объект недвижимости по соглашению об отступном должны быть представлены доказательства соблюдения права преимущественной покупки других участников долевой собственности.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с требованием к Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Управление Росреестра) о признании незаконными решений о приостановлении и последующем отказе в государственной регистрации перехода права на долю в праве общей долевой собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения по соглашению об отступном.

Суд первой инстанции, решение которого оставлено без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении требований отказал. Суды исходили из того, что при осуществлении государственной регистрации перехода права на основании соглашения об отступном, в качестве которого передается доля в праве общей долевой собственности на земельный участок, подлежат установлению обстоятельств, связанные с соблюдением прав иных собственников на преимущественное приобретение такой доли. Поскольку на регистрацию не были представлены документы, подтверждающие отказ остальных участников долевой собственности от покупки доли или сведения об извещении других собственников об отчуждении доли, суды признали оспариваемые решения Управления Росреестра законными.

Суд кассационной инстанции отменил принятые судебные акты, требования удовлетворил. Суд исходил из действительности соглашения об отступном и наличия специального средства защиты лиц, обладающих преимущественным правом покупки, в слу-

чае нарушения правил ст. 250 ГК РФ — иск о переводе прав и обязанностей покупателя. При этом данные лица лишены возможности им воспользоваться до государственной регистрации права в отношении спорного земельного участка, предоставленного в качестве отступного кредитору.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ постановлением суда кассационной инстанции отменила, оставила без изменения судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, указав следующее.

Передача имущества в собственность по соглашению об отступном в обмен на получение денежных средств по договору займа является распоряжением имуществом в виде его возмездного отчуждения. В связи с этим в таком случае, как и при купле-продаже, подлежат соблюдению правила Гражданского кодекса РФ о преимущественном праве покупки (ст. 250 ГК РФ, п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 “О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств” (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6)).

При этом в силу разъяснений, приведенных в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6, соглашение об отступном может предусматривать предоставление отступного как непосредственно в момент заключения такого соглашения, так и в будущем. Если моменты заключения соглашения и предоставления отступного не совпадают, между сторонами возникает факультативное обязательство, по которому должник вправе исполнить первоначальное обязательство или предоставить отступное, которое кредитор обязан принять (ст.ст. 308², 406, 409 ГК РФ).

Следовательно, факт регистрации перехода права собственности влияет именно на прекращение обязательства предоставлением отступного. Однако право преимущественной покупки считается нарушенным в том числе до исполнения заключенного соглашения об отступном при уведомлении иных собственников об отчуждении доли постороннему лицу. В результате применения специального средства защиты в виде перевода прав и обязанностей покупателя происходит замена именно стороны по договору, а не автоматический переход вещного права.

При этом в п. 40 ч. 1 ст. 26 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости” (далее — Закон о регистрации) в качестве основания для приостановления регистрации названо отсутствие документов, подтверждающих отказ остальных участников долевой собственности от покупки доли, и истечение месячного срока со дня извещения

продавцом доли остальных участников долевой собственности, за исключением случаев продажи доли в праве общей собственности на основании сделок, совершенных в нотариальной форме. В силу ч. 7 ст. 26 Закона о регистрации государственная регистрация приостанавливается до истечения одного месяца со дня извещения продавцом доли остальных участников долевой собственности.

Таким образом, несмотря на то, что сделка, заключенная в нарушение правил о преимущественном праве покупки, является, по общему правилу, действительной (если иное не предусмотрено законом), регистратору предоставлено право проверять соблюдение указанных правил.

При изложенных обстоятельствах в отсутствие документов, подтверждающих отказ остальных участников долевой собственности от покупки доли, и сведений об извещении других собственников об отчуждении доли отказ уполномоченного органа в совершении регистрационного действия является законным.

Определение № 310-ЭС24-9039

Применение законодательства о недрах

18. Требования о ликвидации и консервации горных выработок, буровых скважин и иных сооружений, связанных с использованием недр, могут быть предъявлены в течение 20 лет.

Административный орган выдал обществу лицензию на право пользования недрами.

Впоследствии департамент строительства досрочно прекратил действие лицензии, обязав общество провести мероприятия по консервации горной выработки, предусмотренные ст.ст. 22, 26 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 “О недрах” (далее — Закон о недрах).

В связи с неисполнением обществом данного обязательства уполномоченный орган обратился в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении иска отказано. Суды пришли к выводу о пропуске срока исковой давности, предусмотренного ст. 196 ГК РФ, в связи с обращением уполномоченного органа в суд по истечении 11 лет.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Из смысла ст.ст. 9, 22, 26, 28 Закона о недрах следует, что обязанность по ликвидации или консервации объекта недропользования сохраняется за пользователем недр до полного исполнения (в том числе при досрочном прекращении права пользования недрами), поскольку направлена на обеспечение безопасности жизни и здоровья населения, охрану окружающей среды, сохранность не толь-

ко зданий и сооружений, связанных с использованием недр, но и месторождений, горных выработок, буровых скважин, т.е. имеет, помимо прочего, превентивную цель — предупреждение возникновения вреда в будущем (например, вскрытое полезное ископаемое может прийти в негодность вследствие воздействия внешней среды, а незаконсервированные горные выработки могут создавать опасность для населения расположенных рядом поселений).

При этом Закон о недрах не содержит норм, регулирующих срок, в течение которого может быть предъявлено требование об обязанности произвести консервацию объекта недропользования.

В отличие от норм Земельного, Лесного и Водного кодексов РФ, которые прямо отсылают к гражданскому законодательству в части регулирования имущественных отношений, законодательство о недрах такого упоминания не содержит. Следовательно, спорные правоотношения, вытекающие из законодательства о недрах, носят публично-правовой характер, поэтому нормы гражданского законодательства, регулирующие исковую давность, по общему правилу, неприменимы к указанным правоотношениям.

Однако это не означает, что подобное требование может быть предъявлено в течение не ограниченного никакими рамками срока. Такой подход означал бы нарушение принципа правовой определенности и гарантии обеспечения стабильности гражданского оборота.

В соответствии с п. 3 ст. 78 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ “Об охране окружающей среды” (далее — Закон № 7-ФЗ) иски о возмещении вреда, причиненного окружающей среде вследствие нарушений обязательных требований, могут быть предъявлены в течение 20 лет.

Учитывая, что недра являются компонентом природной среды (ст. 1 Закона № 7-ФЗ), а мероприятия по консервации объекта недропользования направлены непосредственно на предупреждение причинения вреда окружающей среде, к спорным правоотношениям по аналогии закона подлежат применению правила п. 3 ст. 78 Закона № 7-ФЗ.

Таким образом, вывод судов трех инстанций о пропуске срока исковой давности является ошибочным, как основанный на неправильном применении норм права.

Определение № 308-ЭС24-3980

19. Наличие действующей лицензии на пользование недрами не является препятствием для удовлетворения требования о возврате земельного участка арендодателю в случае расторжения договора аренды земельного участка в связи с существенным нарушением недропользователем его условий.

Уполномоченный орган и общество заключили договор аренды земельных участков из земель промышленности для целей ведения открытых горных работ.

В связи с неисполнением обществом обязательства по оплате задолженности по арендной плате уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с требованиями о взыскании суммы задолженности, расторжении договора и об обязании возвратить земельные участки.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено в части обязания общества возвратить земельные участки. В указанной части в удовлетворении требования отказано.

Суд пришел к выводу, что при наличии у общества действующей лицензии на пользование недрами требование уполномоченного органа об освобождении земельных участков, несмотря на обстоятельства расторжения договора аренды, будет свидетельствовать о нарушении его прав как недропользователя, осуществляющего деятельность в соответствии с предоставленной лицензией и в пределах срока ее действия.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части отказа в удовлетворении требования о возврате земельных участков и оставила в силе в указанной части решение суда первой инстанции в связи со следующим.

Из анализа положений ст. 7, ч. 1 ст. 25¹ Закона о недрах и п. 3 ст. 6 ЗК РФ следует, что горный отвод и земельный участок над ним — это самостоятельные объекты права и, имея право на пользование недрами в границах определенного горного отвода, обладатель лицензии не наделен правом владения, пользования, распоряжения земельными участками, расположенными в этих границах.

В связи с этим лицензия на пользование недрами является лишь основанием для последующего оформления земельного участка в целях недропользования при соблюдении определенных условий и требований, а не документом, подтверждающим правомочия владения, пользования и распоряжения земельным участком, расположенным в границах горного отвода.

Следовательно, наличие у общества права на осуществление в границах горного отвода пользования недрами не отменяет установленный законом порядок предоставления земельного участка в аренду, а также требований о соблюдении условий договора аренды.

В силу ст. 25² Закона о недрах прекращение прав граждан и юридических лиц на земельные участки и водные объекты, необходимые для ведения работ, связанных с пользованием недрами, осуществляется в соот-

ветствии с гражданским, земельным, водным законодательством и Законом о недрах.

Недропользователь, приобретая права на земельный участок, необходимый для использования участка недр, вступает в земельные правоотношения и начинает реализовывать права и нести обязанности в том числе как арендатор земельного участка.

Согласно ст. 46 ЗК РФ аренда земельного участка прекращается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены гражданским законодательством.

В данном случае основанием для расторжения договора аренды послужило требование арендодателя, мотивированное фактом нарушения обществом его условий, а именно невнесение арендной платы более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа (п. 3 ч. 1 ст. 619 ГК РФ). В силу положений ч. 1 ст. 622 ГК РФ при прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором он его получил, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором.

Специальных гарантий сохранения договора аренды в силе, несмотря на неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора арендатором-недропользователем, в действующем законодательстве не предусмотрено.

Поскольку договор аренды прекратил свое действие в связи с его расторжением в судебном порядке, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о наличии у общества предусмотренной законом обязанности по возврату земельных участков арендодателю. Обратный подход противоречит вышеуказанным нормам права, создает дисбаланс между публичным и частным интересом, нарушает принципы правовой определенности и уважения собственности, а также создает преимущества для недобросовестных участников гражданских правоотношений, что является недопустимым.

Определение № 304-ЭС24-12917

Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

20. В случае оспаривания регистрации обозначения в качестве товарного знака ввиду тождества или сходства до степени смешения с фирменным наименованием, право на которое у иного лица возникло ранее даты приоритета товарного знака, необходимо подтверждать использование фирменного наименования в отношении однородных товаров самим его обладателем.

Завод обратился в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (далее — Роспатент) с возражением против предоставления правовой охраны товарному знаку, указывая на его сходство с произвольной частью своего сокращенного фир-

менного наименования, используемого задолго до даты приоритета товарного знака для индивидуализации деятельности.

Роспатент отказал в удовлетворении возражения, исходя из отсутствия доказательств, свидетельствующих о фактическом осуществлении лично заводом деятельности, которая могла бы признаваться однородной по отношению к товарам оспариваемой регистрации. Предоставление иным лицам лицензии, предусматривающей использование обозначения, воспроизводящего фирменное наименование (отдельных его элементов) правообладателя, не является использованием фирменного наименования.

Считая решение Роспатента незаконным, завод обратился в Суд по интеллектуальным правам с заявлением о признании этого решения недействительным.

Суд по интеллектуальным правам отказал в удовлетворении заявления.

Президиум Суда по интеллектуальным правам отменил решение суда, заявление завода удовлетворил, сделав вывод о том, что деятельность лицензиатов может быть принята во внимание в целях применения п. 8 ст. 1483 ГК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума Суда по интеллектуальным правам и оставила в силе решение Суда по интеллектуальным правам, указав следующее.

При оспаривании регистрации товарного знака на соответствие п. 8 ст. 1483 ГК РФ для разрешения вопроса о возможности учитывать деятельность, осуществляемую не только самим правообладателем, но и связанными с ним хозяйствующими субъектами, необходимо исходить из недопущения смешения между индивидуализирующими функциями товарного знака и фирменного наименования.

В силу п. 1 ст. 1477 ГК РФ товарный знак служит для индивидуализации товара, а не для целей отграничения одного участника гражданского оборота от других. Функцию индивидуализации конкретной коммерческой организации в глазах рядовых потребителей по смыслу положений ст.ст. 1473, 1474 ГК РФ выполняет фирменное или сокращенное фирменное наименование.

Существенным отличием от других средств индивидуализации, которое возмещает на построение системы правовой охраны фирменного наименования, является то, что в содержание исключительного права на фирменное наименование не входит распорядительное правомочие. Прямое указание в п. 2 ст. 1474 ГК РФ на запрет распоряжения исключительным правом на фирменное наименование отвечает природе этого средства индивидуализации, нераз-

рывно связанного с определенным юридическим лицом.

Поскольку исключительное право на фирменное наименование является непередаваемым и неотчуждаемым, действующее законодательство не предусматривает правовых оснований, санкционирующих квалификацию действий третьих лиц по применению обозначения, воспроизводящего фирменное наименование (отдельных его элементов) правообладателя, в качестве способа использования соответствующего средства индивидуализации по правилам п. 1 ст. 1474 ГК РФ.

Указание на чужое фирменное наименование (применительно к рассматриваемому спору — “произведено по лицензии завода”) находится за рамками реализации права на фирменное наименование и представляет собой простое извещении неопределенного круга лиц о присутствии на рынке соответствующей продукции, производимой под контролем правообладателя.

Признак реализации исключительного права на товарный знак включает в себя два элемента: осуществление права и распоряжение им. В связи с этим согласно п. 2 ст. 1486 ГК РФ при решении вопроса о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования могут быть приняты во внимание доказательства того, что товарный знак используется третьими лицами на основании лицензионного договора под контролем правообладателя. Вместе с тем Гражданский кодекс РФ не разделяет случаи использования фирменного наименования самим правообладателем и лицензиатом, соотнося с учетом системного толкования вышеуказанных норм осуществление права на фирменное наименование исключительно с самостоятельными действиями правообладателя.

Таким образом, деятельность лицензиатов завода не может быть принята во внимание для целей применения положений п. 8 ст. 1483 ГК РФ.

Возникновения права на сокращенное фирменное наименование задолго до подачи заявки на регистрацию спорного обозначения в качестве товарного знака недостаточно для признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку.

Отсутствие в материалах дела доказательств использования фирменного наименования заводом при осуществлении видов деятельности или в отношении идентичных товаров, как правомерно посчитал суд первой инстанции, позволило Роспатенту обоснованно отказать в аннулировании регистрации товарного знака со ссылкой на положения п. 8 ст. 1483 ГК РФ.

Определение № 300-ЭС24-12173

Применение законодательства о страховании

21. Условия договора страхования имущества, освобождающие страховщика от выплаты страхового возмещения в случае наступления страхового случая вследствие неосторожных действий (бездействия) страхователя, являются ничтожными.

Между обществом и страховой организацией заключен договор страхования имущества. По условиям договора страховым случаем признается гибель, утрата или повреждение застрахованного имущества, произошедшие в результате в том числе воздействия огня. Договором также предусмотрено, что не признаются застрахованными случаи утраты, гибели, повреждения застрахованного имущества, если их непосредственной причиной явилось нарушение страхователем установленных законом и (или) иными нормативными актами в том числе норм пожарной безопасности, а также случаи утраты, гибели, повреждения застрахованного имущества, вызванные прямо или косвенно применением химических материалов.

19 ноября 2021 г. в принадлежащем обществу здании произошел пожар, в результате которого часть застрахованного имущества была уничтожена. Пожарно-технической экспертизой установлено, что наиболее вероятной причиной возникновения пожара стало возгорание горючих материалов в зоне очага пожара в результате химического самовозгорания.

Страхователь обратился в страховую организацию с заявлением о страховой выплате. Страховая организация отказала в удовлетворении заявления по причине того, что не являются застрахованными случаи гибели застрахованного имущества, вызванные применением химических материалов.

Отказ в выплате страхового возмещения явился основанием для обращения страхователя в арбитражный суд с соответствующим требованием.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

В силу разъяснений, приведенных в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 19 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества” (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 19), условия договора определяются по усмотрению сторон договора страхования имущества и могут включать перечень случаев, не являющихся страховыми (ст. 421 ГК РФ).

Однако необходимо разграничивать исключения из страхового покрытия (из числа страховых случаев) и основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

По смыслу ст. 929 ГК РФ, ст. 9 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-I “Об организации страхового дела в Российской Федерации” под страховым случаем понимается именно объективное событие, относящееся, в частности, к событиям внешнего мира либо к действиям (бездействию) лиц, не являющихся участниками страховых отношений. В то же время совершение страхователем действий, способствовавших наступлению страхового случая, может послужить основанием для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

Законом могут быть предусмотрены случаи освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения по договорам имущественного страхования при наступлении страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя (абз. 2 п. 1 ст. 963 ГК РФ).

Таким образом, учитывая, что сформулированные в договоре оговорки об исключении из страхового покрытия связаны с действиями самого страхователя и установлением его вины, под видом исключения из перечня страховых случаев в данном деле согласованы дополнительные основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

Однако положения действующего законодательства не предусматривают в подобных случаях освобождение страховщика от обязанности по выплате возмещения. Более того, нормы Гражданского кодекса РФ содержат императивное указание на то, что освобождение страховщика от обязанности по выплате страхового возмещения возможно, только если это прямо предусмотрено законом (абз. 2 п. 1 ст. 963 ГК РФ).

Следовательно, соответствующие оговорки, освобождающие страховщика от выплаты страхового возмещения в случае наступления страхового случая вследствие неосторожных действий (бездействия) страхователя, являются ничтожными.

В рассматриваемом деле судами не установлено, что спорное событие наступило вследствие умысла страхователя. Напротив, с учетом результата судебной экспертизы суды исходили из того факта, что произошедшее событие стало следствием работы электрооборудования в аварийном режиме, что не свидетельствует о намеренном игнорировании страхователем правил пожарной безопасности.

Страховая компания, выступая профессиональным участником рынка страхования и экономически более сильной стороной данных правоотношений, посредством включения в полис-оферту упомянутых оговорок

фактически минимизирует свой предпринимательский риск, связанный с выплатой страхового возмещения, ставя возможность выплаты страхового возмещения в зависимость от любых действий страхователя, а не от факта наступления страхового случая как объективно произошедшего события.

Определив огонь и пожар страховыми случаями, страховщик включил в раздел “Оговорки” такое количество причин, по которым выплата страхового возмещения невозможна в результате различного рода явлений и действий лица, их совершившего, независимо от формы его вины, что страховой случай переведен из разряда события (факта) в разряд условий, освобождающих от ответственности, что не соответствует положениям ст.ст. 929, 963 ГК РФ и разъяснениям, содержащимся в п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 19.

С учетом изложенного вывод судов об обоснованности отказа страховщика в выплате страхового возмещения является ошибочным.

Определение № 306-ЭС24-19744

Применение законодательства в сфере закупок для государственных (муниципальных) нужд

22. Использование воздушных судов государственной авиации в отсутствие сертификата (свидетельства) эксплуатанта допустимо только в целях осуществления функций государства и обеспечения решения государственных задач, указанных в п. 1 ст. 22 Воздушного кодекса РФ.

По результатам проведенного учреждением электронного аукциона на оказание авиационных услуг победителем закупки признан авиационный клуб общероссийской общественно-государственной организации “Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России” (далее — авиационный клуб), с которым заключен соответствующий контракт.

В ходе проверки антимонопольным органом установлено несоответствие заявки победителя аукциона требованиям аукционной документации, поскольку в ней отсутствует действующий сертификат (свидетельство) эксплуатанта на выполнение лесоавиационных работ.

Решением антимонопольного органа действия аукционной комиссии учреждения признаны нарушающими ч. 6 ст. 69 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее также — Закон № 44-ФЗ).

Считая решение антимонопольного органа незаконным, учреждение обратилось в арбитражный суд с соответствующим заявлением.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда отменено, требование учреждения удовлетворено.

Отменяя принятые судебные акты и отказывая в удовлетворении заявленного требования, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ обратила внимание на следующее.

Из положений п. 3 ст. 8, п. 4 ст. 61, п. 1 ст. 66 и п. 1 ст. 67 Воздушного кодекса (далее — ВК РФ) следует, что наличие сертификата (свидетельства) эксплуатанта является обязательным требованием действующего воздушного законодательства. Исключения составляют только случаи использования воздушного судна в целях, определенных для государственной авиации и (или) экспериментальной авиации, а также при использовании отдельных классов воздушных судов в авиации общего назначения.

Гражданская авиация, не используемая для осуществления коммерческих воздушных перевозок и выполнения авиационных работ, относится к авиации общего назначения (пп. 1 и 3 ст. 21 ВК РФ).

Поскольку в спорном случае для авиационного клуба закупка носила коммерческий характер и предполагала производство авиационных работ, то, независимо от типа используемого воздушного судна, она не могла быть отнесена в конкретном случае к категории использования авиации общего назначения, когда бы не требовалось наличие соответствующего сертификата.

Суды указали, что фактически воздушное судно и аэродром регионального отделения авиационного клуба находятся в реестрах судов и аэродромов государственной авиации. Данных, свидетельствующих о регистрации в реестре судов гражданской авиации воздушного судна — самолета типа Ан-2т, предложенного к оказанию услуг авиационным клубом, не имеется.

Вместе с тем судами не учтено, что использование воздушных судов государственной авиации в отсутствие сертификата (свидетельства) эксплуатанта допустимо только в целях осуществления функций государства и обеспечения решения государственных задач, указанных в п. 1 ст. 22 ВК РФ, что не соотносится с предметом и формой проводимой закупки.

Участие авиационного клуба в электронном аукционе и осуществление лесоавиационных работ по заданию заказчика не было обусловлено решением в особом порядке государственных задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения безопасности людей на водных объектах и пожарной безопасности.

В силу ст.ст. 8, 21, 36, 61, 114 ВК РФ и п. 1 постановления Правительства РФ от 30 июля 1999 г. № 862 “Об использовании государственной и экспериментальной авиации в коммерческих целях” авиационные работы в коммерческих целях, в том числе лесоавиационные работы, выполняются на гражданских воздушных судах, имеющих сертификаты летной годности, лицами, имеющими сертификаты эксплуатантов.

Таким образом, выполнение авиационных работ за плату разрешено любым лицам при одновременном соблюдении двух условий: использование гражданских воздушных судов и наличие сертификата (свидетельства) эксплуатанта.

Поскольку предусмотренные закупочной документацией виды работ могут выполняться только с соблюдением требований воздушного законодательства Российской Федерации, в том числе о наличии сертификата эксплуатанта у лица, осуществляющего такие работы, требование, установленное в документации, о наличии действующего сертификата эксплуатанта на выполнение авиационных работ подлежит исполнению всеми участниками аукциона.

Следовательно, на авиационный клуб распространяются все требования, предусмотренные законодательством и техническим заданием документации об аукционе для исполнителя услуг воздушными судами гражданской авиации, в том числе о наличии сертификата (свидетельства) эксплуатанта воздушных судов, который у него как участника закупки отсутствует.

В связи с изложенным антимонопольный орган пришел к обоснованному выводу об отсутствии у аукционной комиссии учреждения правовых оснований для признания заявки данного участника соответствующей требованиям аукционной документации.

Определение № 305-ЭС24-13385

23. Представление участником закупки по капитальному ремонту автомобильной дороги договора субподряда в качестве подтверждения наличия опыта выполнения работ не свидетельствует о соблюдении требований, установленных Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”.

Для участия в конкурсе на осуществление капитального ремонта автомобильной дороги подано две заявки, в том числе заявка общества.

Конкурсная комиссия уполномоченного органа администрации города отклонила заявку общества на основании п. 3 ч. 12 ст. 48 Закона № 44-ФЗ, поскольку в качестве подтверждения наличия опыта выполнения работ по капитальному ремонту общество представило договор субподряда на выполнение работ по капитальному ремонту объекта в рамках исполнения муниципального контракта.

Решением антимонопольного органа жалоба общества на действия администрации города по отклонению его заявки признана обоснованной.

Не согласившись с указанным решением антимонопольного органа, администрация города обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и удовлетворила требования администрации города, указав следующее.

Частью 4 ст. 31 Закона № 44-ФЗ предусмотрено, что в случае установления Правительством РФ в соответствии с ч. 2 ст. 31 этого Закона дополнительных требований к участникам закупок заказчики при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) обязаны устанавливать такие дополнительные требования.

Дополнительные требования, а также перечень документов, подтверждающих соответствие участников закупки таким требованиям, установлены постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2021 г. № 2571 “О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации” (далее — постановление Правительства № 2571).

Согласно п. 2 позиции 17 приложения к данному постановлению в случае проведения закупки на выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту автомобильной дороги к участникам закупки необходимо установить дополнительные требования о наличии опыта по исполнению договора, предусматривающего выполнение работ по капитальному ремонту автомобильной дороги, который должен быть подтвержден исполненным договором и актом выполненных работ, подтверждающим цену выполненных работ.

Абзацем 6 подп. “б” п. 3 постановления Правительства № 2571 установлено, что договором, предусмотренным в том числе п. 2 позиции 17 приложения в графе “Дополнительные требования к участникам закупки”, считается контракт, заключенный и исполненный в соответствии с Законом № 44-ФЗ, либо договор, заключенный и исполненный в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц”.

Из системного толкования поименованных норм следует вывод о том, что результат работ субподрядчика должен соответство-

вать условиям договора, заключенного между генеральным подрядчиком и субподрядчиком, а не государственному или муниципальному контракту, тогда как генеральный подрядчик несет ответственность перед заказчиком за выполнение работ, независимо от привлечения им субподрядчиков.

Таким образом, лицо, выполнявшее в качестве субподрядчика строительно-монтажные работы на объекте капитального строительства, не может являться лицом, имеющим опыт строительства (реконструкции) объекта капитального строительства в совокупном объеме возникающих обязательств.

С учетом изложенного у конкурсной комиссии уполномоченного органа администрации города имелись основания для отклонения заявки общества на участие в конкурсе на проведение капитального ремонта автомобильной дороги в связи с неподтверждением соответствующего опыта работ.

Определение № 302-ЭС24-20018

Применение законодательства о налогах и сборах

24. Проценты, полученные заимодавцем по договору займа, не являются объектом налогообложения при исчислении налога на профессиональный доход.

Между обществом в лице генерального директора (далее также — заемщик) и генеральным директором (далее также — заимодавец) заключен договор займа, в соответствии с которым обществу предоставлен заем с процентной ставкой.

Налоговым органом установлено, что с момента заключения договора займа общество, выступая налоговым агентом заимодавца, уплачивало с полученных заимодавцем процентов по договору займа налог на доходы физических лиц (далее — НДФЛ) по ставке 13%.

Начиная с 1 января 2021 г. в отношении доходов, полученных в виде процентов по указанному договору займа, заимодавец осуществлял уплату налога на профессиональный доход (далее — НПД), соответственно, удержание и уплата обществом как налоговым агентом сумм НДФЛ с сумм выплаченных заимодавцу процентов по договору займа были прекращены.

По результатам проверки налоговым органом вынесено решение о доначислении обществу сумм НДФЛ и привлечении его к ответственности за совершение налогового правонарушения с назначением наказания в виде штрафа в связи с необоснованным не отражением обществом в налоговой декларации по НДФЛ за отчетный период дохода и неисчислении (неуплатой) в бюджет НДФЛ с сумм выплаченных заимодавцу процентов по договору займа.

Не согласившись с указанным решением налогового органа, общество обратилось в

арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленное требование удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении заявления общества, отметив следующее.

Объект НПД определен в ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ “О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” (далее — Закон № 422-ФЗ) как доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав). Часть 2 указанной статьи содержит перечень доходов, которые для целей данного Федерального закона не признаются объектом налогообложения.

Таким образом, из взаимосвязанных положений чч. 1 и 2 ст. 6 Закона № 422-ФЗ следует, что объектом НПД может быть признан не любой доход, который не указан в ч. 2 ст. 6 этого Закона, но лишь тот, который получен исключительно от деятельности, поименованной в ч. 1 той же статьи.

Следовательно, при разрешении вопроса об уплате НПД необходимо установить правовую природу дохода от действий, квалифицированных налоговым агентом и непосредственно налогоплательщиком как реализация товаров (работ, услуг, имущественных прав). Иной подход приведет к игнорированию указанных выше норм Закона № 422-ФЗ, целей его принятия, а также к недопустимому смешению нормативного регулирования НПД и НДФЛ.

В рассматриваемом деле спор связан с правовой квалификацией процентов, полученных по договору займа, в рамках отношений по уплате НПД.

Из определения дохода в виде процентов, данного в п. 3 ст. 43 НК РФ, следует, что доходы в виде процентов по договору займа подлежат отнесению к пассивному доходу — они не связаны с активной деятельностью лица, получающего доход, в том понимании, в каком определение такой деятельности содержится в нормах Налогового кодекса РФ.

Следовательно, правоотношения, основанные на договорах займа, не имеют признаков оказания услуг либо передачи имущественных прав. Указанный вывод согласуется с определением понятия услуги, закрепленным в п. 5 ст. 38 НК РФ, в соответствии с которым услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности.

Таким образом, поскольку при передаче денежных средств по договору займа не происходит реализации товаров, работ, услуг или имущественных прав, проценты, полученные займодавцем, не могут быть квалифицированы в качестве дохода от реализации и, следовательно, не являются объектом НПД, определенным в ч. 1 ст. 6 Закона № 422-ФЗ.

С учетом изложенного выводы судов трех инстанций относительно правовой квалификации спорного дохода в виде процентов, полученных по договору займа, являются ошибочными.

В силу подп. 1 п. 1 ст. 208 НК РФ проценты, полученные от российской организации, признаются доходом от источников в Российской Федерации для целей обложения НДФЛ. Организация-заемщик, производящая выплату дохода в виде процентов по договору займа в пользу физического лица — займодавца, признается налоговым агентом и обязана исчислить, удержать и перечислить в бюджет соответствующую сумму НДФЛ.

Следовательно, является верным вывод налогового органа, в соответствии с которым общество в проверяемом периоде выступало в качестве налогового агента и несло бремя обязанности по удержанию и перечислению в бюджет суммы НДФЛ за генерального директора с сумм полученного им дохода по договору займа.

Определение № 305-ЭС24-14436

25. Налогоплательщики, осуществляющие деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности и включенные в соответствующий реестр в течение 2022 года, могут применять пониженные тарифы по страховым взносам с начала налогового периода 2022 года, т.е. с 1 января 2022 г.

Обществом в налоговый орган представлены уточненные расчеты по страховым взносам за 3, 6, 9 месяцев 2022 года с применением пониженных тарифов на основании подп. 8 п. 2 ст. 427 НК РФ.

По результатам камеральных налоговых проверок указанных расчетов налоговым органом приняты решения, согласно которым обществу доначислены страховые взносы за названные периоды. Основанием для вынесения решений послужил установленный налоговым органом факт занижения базы по страховым взносам в проверяемых периодах в связи с неправомерным применением пониженных тарифов.

Не согласившись с решениями налогового органа, общество оспорило их в судебном порядке.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды пришли к выводу, что поскольку общество включено в реестр организаций, осуществляющих деятельность в сфере ра-

диоэлектронной промышленности (далее также — реестр), 28 сентября 2022 г., то оно было вправе применять пониженные тарифы страховых взносов, предусмотренные подп. 8 п. 2 ст. 427 НК РФ, только с 1 сентября 2022 г., т.е. с месяца включения общества в реестр, а потому применение им пониженных тарифов с 1 января 2022 г. является неправомерным.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и удовлетворила требования общества в связи со следующим.

В соответствии с подп. 8 п. 2 ст. 427 НК РФ для плательщиков, указанных в подп. 18 п. 1 ст. 427 НК РФ, в течение 2021 и 2022 годов устанавливаются предельные величины базы для исчисления страховых взносов.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 323-ФЗ “О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации” (далее — Закон № 323-ФЗ) в подп. 18 п. 1 ст. 427 НК РФ внесены изменения, согласно которым пониженные тарифы применяются для российских организаций, которые включены в реестр организаций, осуществляющих деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности, формирование и ведение которого осуществляются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере промышленного и оборонно-промышленного комплексов. Действие положений ст. 427 НК РФ (в редакции Закона № 323-ФЗ) распространяется на правоотношения, возникшие с 1 января 2022 г.

По смыслу положений подп. 3 п. 1 ст. 21, п. 1 ст. 56 НК РФ при предоставлении налоговых льгот должен быть обеспечен равный подход — условия применения льгот должны толковаться и применяться таким образом, чтобы дифференциация прав налогоплательщиков осуществлялась по объективным и разумным критериям, отвечающим цели соответствующих законоположений.

Обеспечение равного доступа к мерам государственной поддержки, предоставляемым в том числе в виде налоговых льгот (пониженных тарифов страховых взносов) в ситуации, когда соответствующим законодательным положением придается обратная сила, предполагает, что возможность реализации соответствующего права должна быть предоставлена лицам, которые объективно отвечают установленным критериям для применения льготы с учетом ретроспективного возникновения права на ее применение.

В спорной правовой ситуации законодателем не предусмотрено исключений относительно вопроса начала действия редакции ст. 427 НК РФ.

Внесение в Налоговый кодекс РФ изменений в условия предоставления льготы по

страховым взносам и придание названным нормам Налогового кодекса РФ обратной силы свидетельствуют о намерении законодателя ввести переходные положения, позволяющие налогоплательщикам, отвечающим условиям применения пониженного тарифа, быть включенными в реестр организаций, осуществляющих деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности, в течение 2022 года и иметь право на применение пониженного тарифа страховых взносов с 1 января 2022 г.

Таким образом, внесение в соответствии с Законом № 323-ФЗ изменений в Налоговый кодекс РФ свидетельствует о дополнительном стимулировании развития отрасли, повышении ее конкурентоспособности, что позволяет российским радиоэлектронным предприятиям из специального реестра платить пониженные ставки по страховым взносам и налогу на прибыль организаций. Распространяя действие ст. 427 НК РФ на начало 2022 года, законодатель тем самым улучшил положение плательщиков, предоставив им возможность применения льготы вне зависимости от момента включения общества в течение 2022 года в реестр организаций, осуществляющих деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности.

Следовательно, факт включения общества в реестр 28 сентября 2022 г. не имеет определяющего значения для получения права на льготу с начала налогового периода 2022 года, поскольку такое право закреплено в соответствующих положениях Закона № 323-ФЗ.

Определение № 305-ЭС24-15059

Оспаривание ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов

26. Негосударственная медицинская организация, осуществляющая деятельность в сфере обязательного медицинского страхования, является объектом внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, проводимого органами Федерального казначейства.

Негосударственной медицинской организацией (далее также — медицинская организация) за счет средств обязательного медицинского страхования (далее — ОМС) заключены договоры страхования имущества (зданий), договоры на услуги по предоставлению части фасадов многоквартирных домов для размещения рекламных конструкций, а также произведены оплата услуг по телемаркетингу и платежи за аренду помещения, фактически не используемого медицинской организацией.

По результатам проверки органом Федерального казначейства вынесено представление, которым на медицинскую организацию возложена обязанность по возврату в бюджет территориального фонда ОМС субъекта Российской Федерации средств

ОМС, не включенных в структуру тарифа на оплату медицинской помощи в рамках базовой программы ОМС.

Не согласившись с указанным представлением, медицинская организация оспорила его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда отменено, требования медицинской организации удовлетворены.

Суды исходили из того, что негосударственная медицинская организация не является объектом внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля и, соответственно, орган Федерального казначейства не был вправе осуществлять в отношении ее внутренний государственный финансовый контроль.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции, придя к следующим выводам.

Согласно ст. 265 БК РФ внутренний государственный (муниципальный) финансовый контроль является контрольной деятельностью Федерального казначейства, органов государственного (муниципального) финансового контроля, являющихся исполнительными органами субъектов Российской Федерации (органами местных администраций).

В соответствии с абз. 10 п. 1 ст. 266¹ БК РФ объектами государственного финансового контроля являются исполнители по договорам (соглашениям), заключенным в целях исполнения договоров (соглашений) о предоставлении средств из соответствующего бюджета.

Частью 1 ст. 6 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации” (далее — Закон об ОМС) к полномочиям Российской Федерации в сфере ОМС, переданным для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации, относится организация ОМС на территориях субъектов Российской Федерации в соответствии с требованиями, установленными Законом об ОМС.

Частью 2 ст. 6 Закона об ОМС установлено, что финансовое обеспечение расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при выполнении полномочий Российской Федерации в сфере ОМС, переданных для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляется за счет субвенций, предоставленных из бюджета Федерального фонда ОМС бюджетам территориальных фондов ОМС.

Указанные субвенции в силу ч. 4 ст. 27 и п. 1 ч. 1 ст. 28 Закона об ОМС предоставляются территориальным фондам ОМС на финансовое обеспечение ОМС медицинским страховым организациям в соответствии с договорами о финансовом обеспечении ОМС.

Таким образом, договоры о финансовом обеспечении ОМС по смыслу абз. 10 п. 1 ст. 266¹ БК РФ являются договорами о предоставлении средств бюджета Федерального фонда ОМС.

Согласно ч. 4 ст. 6 Закона об ОМС контроль за использованием средств ОМС, обеспечивающих осуществление переданных в соответствии с ч. 1 этой статьи полномочий, проводится Федеральным фондом ОМС, федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, Счетной палатой РФ.

Законодательством Российской Федерации об ОМС предусмотрено финансирование медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь по программе ОМС, из федерального и территориального фондов ОМС (которые, в свою очередь, имеют одним из источников финансирования средства федерального бюджета) путем заключения предусмотренных ст.ст. 37 и 39 Закона об ОМС договоров. Договор на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС заключается между медицинской организацией, включенной в реестр медицин-

ских организаций, которые участвуют в реализации территориальной программы ОМС и которым решением комиссии по разработке территориальной программы ОМС установлен объем предоставления медицинской помощи, подлежащей оплате за счет средств ОМС, в том числе и средств федерального бюджета, и страховой медицинской организацией, участвующей в реализации территориальной программы ОМС (ч. 1 ст. 39 Закона об ОМС).

Таким образом, договоры на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС по смыслу абз. 10 п. 1 ст. 266¹ БК РФ являются договорами, заключенными в целях исполнения договоров о финансовом обеспечении ОМС (предоставление средств бюджета Федерального фонда ОМС), а медицинская организация является его исполнителем и, соответственно, объектом контроля.

Следовательно, судом первой инстанции сделан правильный вывод о том, что негосударственная медицинская организация является объектом государственного финансового контроля и проведение спорной проверки не выходило за пределы полномочий органа Федерального казначейства.

Определение № 307-ЭС24-7875

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
18 июня 2025 г.)*

(Окончание в следующем номере)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), Асташов С.В., Борисова Е.Е.,
Глазов Ю.В., Давыдов В.А., Журавлева Е.М., Иваненко Ю.Г., Крупнов И.В.,
Москаленко Ю.П., Нефедов О.Н., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В.,
Хаменков В.Б., Хомчик В.В., Шилов О.Ю.

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 30.09.2025. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 6,16. Тираж 6571 экз. Заказ 72-2025.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.

127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

